РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ П. ТИХМЕНЕВА:

ОБРАЗОВАНІЕ РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНІИ

И ДѢЙСТВІЙ ЕЯ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Ѳ. Ѳ. ВЕСЕЛАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНIЯ П. ТИХМЕНЕВА:

ОБРАЗОВАНIЕ РОССIЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНIИ

И ДѢЙСТВIЙ ЕЯ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Ѳ. Ѳ. ВЕСЕЛАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографiи Императорской Академiи Наукъ.
1863.

Извлечено изъ отчета о тридцать первомъ присужденіи Демидовск. Наградъ.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

П. ТИХМЕНЕВА:

ОБРАЗОВАНІЕ РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНІИ
и
ДѢЙСТВІЙ ЕЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

составленный Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Трудъ г. Тихменева обнимаетъ періодъ времени отъ появленія Русскихъ у Сѣверо-Западныхъ береговъ Америки и острововъ Берингова моря, до окончанія срока вторыхъ привилегій Высочайше дарованныхъ Россійско-Американской компаніи, то есть, отъ 1733 года по 1841.

Авторъ въ исторіи компаніи замѣчаетъ два отличительные періода: первый, въ который происходило «подготовленіе вообще дикаго и неизвѣстнаго дотолѣ края къ принятію началъ общественнаго устройства и, потомъ, водвореніе и постоянное распространеніе самаго просвѣщенія, въ мѣрѣ, наиболѣе соотвѣтствующей туземнымъ требованіямъ (предисл. стр. III).» Второй, «во время котораго въ развитіи колоній уже замѣтно преобладаніе духа мира и общаго благоустройства (пр. стр. 18).» Первый изъ этихъ періодовъ простирается отъ начала дѣйствій компаніи до 1821 года; а второй, съ этой эпохи до настоящаго времени. Такимъ образомъ въ вышедшей нынѣ первой части труда г. Тихменева заключается историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до 1841 года, то есть, до конца вторыхъ привилегій. Книга раздѣляется на XI главъ, изъ которыхъ первыя семь относятся къ первому періоду, а остальныя ко второму.

Въ книгѣ разсказывается о поѣздкахъ нашихъ смѣлыхъ промышленниковъ въ мало извѣстныя, а иногда и вовсе неизвѣстные

имъ моря; образованіе небольшихъ отдѣльныхъ товариществъ или компаній для добычи дорогихъ мѣховъ; потомъ слитіе этихъ компаній въ одну, получившую отъ правительства небывалыя доселѣ привиллегіи и нераздѣльное. владычество надъ обширнѣйшимъ краемъ со всѣми его естественными богатствами и даже обитателями. Полная картина образованія и постепеннаго развитія этого, государства въ государствѣ, по отдаленности страны и сохраняемой прежде таинственности дѣйствій ея управленія, для большинства публики представляетъ прелесть новизны.

По слѣдамъ Ермака Тимофеевича, наши смѣлые искатели приключеній или, вѣрнѣе — добычи, руководясь вѣрнымъ разсказомъ очевидца, а иногда и темными слухами, плохо вооруженные и снабженные, отправлялись съ границъ тогдашняго Русскаго міра въ дальній путь: кто на Сѣверъ, кто на Югъ, кто на Востокъ. Многіе погибали въ борьбѣ съ сильнѣйшими ихъ инородцами, тонули въ рѣкахъ или гибли отъ холода и голода въ безпредѣльныхъ лѣсахъ и пустыняхъ. Но многіе, послѣ долгихъ странствованій возвращались на родину съ богатою добычею дорогихъ мѣховъ и всегда съ богатымъ запасомъ разсказовъ, вызывающихъ новыхъ охотниковъ на подобные предпріятія, за которыми при большемъ знакомствѣ съ страною, подвигались шагъ за шагомъ и прочныя заселенія. Движеніе это иногда пріостанавливало столкновенія Сибиряковъ съ разными инородцами и моря лежащіе на пути; но послѣдніе впрочемъ не останавливали, а только показывали въ болѣе яркомъ свѣтѣ Русскую отвагу и самую восточную беззаботность, выразившуюся въ нашемъ родномъ *авось!*

Какъ на сухомъ пути казакъ, или промышленникъ шелъ съ самымъ плохимъ оружіемъ и безъ всякихъ запасовъ, почти также отправлялся онъ и въ море. Если каравеллы Колумба возбуждаютъ наше удивленіе, то что же надобно сказать о какомъ-нибудь утломъ «шитикѣ», на которомъ пускались первые наши мореходы въ Ледовитый Океанъ или Охотское море. Здѣсь, разумѣется, опасностей и гибелей было сравнительно болѣе, чѣмъ на сухомъ пути, но не смотря на это и здѣсь жажда добычи подвигала дѣло впередъ.

Безъ большаго шуму, хотя далеко не мирнымъ образомъ, шелъ по Сибири этотъ наплывъ Русскихъ, *что* и *какъ* дѣлалось знали только жители сравнительно близкіе къ мѣсту дѣйствія. До главнаго Сибирскаго начальства, а тѣмъ болѣе до Петербурга, доходили только свѣдѣнія объ однихъ болѣе замѣчательныхъ событіяхъ и тогда уже являлась военная помощь и учреждалась админи-

страція. Относительно же географическихъ открытій случалось, что важнѣйшія свѣдѣнія, какъ напримѣръ, о первомъ посѣщеніи береговъ Америки Гвоздевымъ и Ѳедоровымъ, дѣло провалялось въ архивѣ *болѣе восьми* лѣтъ.

Если сами мы не знали хорошо вновь пріобрѣтаемыхъ странъ, то конечно Европа знала о нихъ еще менѣе. Въ Ортелліевомъ Theatro Orbis Terrarum (въ исходѣ XVI столѣтія) помѣщена карта Татаріи, на которой, можетъ быть въ первый разъ, представлена Сибирь. Чтобы судить о вѣрности этой карты достаточно замѣтить, что на ней при устьѣ рѣки Оби, которое назначено (мѣсто 73°) около 82° широты, поставлены десять колѣнъ Іудейскихъ, отведенныхъ Салмонасаромъ въ плѣнъ Ассирійскій. Но на ней же по странной игрѣ случая близь лежащіе къ Азіи берега Америки назначены довольно порядочно. Въ XVII вѣкѣ, когда сношенія Русскихъ съ иностранцами сдѣлались несравненно тѣснѣе прежняго, число лицъ, посѣщавшихъ по разнымъ обстоятельствамъ Россію, увеличилось, тогда нѣкоторые изъ нихъ по возвращеніи въ отечество начали издавать описанія своихъ путешествій и прикладывать къ нимъ карты разумѣется крайне плохія. Такъ между прочимъ, Іссаакъ Маасъ авторъ сочиненія о Сибирѣ, напечатаннаго въ Recueil des voyages de la compagnie des Indes orientales (здѣсь разумѣется Голландская компанія), былъ въ Россіи въ началѣ XVII столѣтія и издалъ нѣсколько картъ. Крайнимъ Восточнымъ предѣломъ мѣстностей на нихъ изображенныхъ была только рѣка Енисей. На одной изъ картъ, приложенныхъ къ извѣстному путешествію Олеарія (1634—1638) хотя крайне неправильно, но назначены Сѣверный и Восточный берегъ Сибири. Амстердамскій бургомистръ Витсенъ, много ознакомившій Европу съ Россіею, былъ у насъ съ Голландскимъ посольствомъ въ 1666 и 1667 г. Онъ не ограничился тѣмъ что во время пребыванія своего въ Россіи, собиралъ разныя географическія свѣдѣнія, какъ о нашемъ отечествѣ такъ и сосѣднихъ съ нимъ земляхъ и особенно о малоизвѣстныхъ странахъ Сѣверо-Восточной Азіи; но какъ человѣкъ любознательный и по возвращеніи въ Амстердамъ велъ переписку съ своими Русскими знакомыми и получалъ отъ нихъ новыя свѣдѣнія. Витсенъ, кажется, первый изъ иностранцевъ, издалъ карты Сибири къ Востоку отъ Енисея и показалъ, что владѣнія Россіи простираются до Китая и Японіи. Избрантъ Идесъ, Голландскій же купецъ, посланный въ 1697 г. Петромъ Великимъ въ Пекинъ, для торговыхъ переговоровъ, проѣзжая по Сибири, собралъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія и

съ помощію Витсена также составилъ карту, на которой въ первый разъ является Европейцамъ Камчатка, на Восточномъ берегу Сибири, въ широтѣ 72°, въ видѣ рѣки съ городомъ на берегу ея.

Были у насъ и собственныя свои изображенія земель или такъ называемыя *географскіе чертежи*, составляемые по описаніямъ, страны, или вѣрнѣе, по маршрутамъ бывалыхъ людей. Съ помощію этихъ чертежей можно было узнать, *какъ* проѣхать изъ одного мѣста въ другое, знать приблизительно *сколько нужно для этого времени* и *что* встрѣтится на пути, но о *направленіи* дороги (относительно точекъ горизонта) и взаимномъ *положеніи мѣстъ*, отъ подобнаго чертежа нельзя было ожидать никакой вѣрности. Такіе чертежи, можно сказать были не географическая карта, а просто видоизмѣненіе книги, для большаго сходства, съ которой все болѣе замѣчательное объ изображенныхъ на чертежѣ предметахъ было описано при каждой мѣстности.

Хотя такіе чертежи могли служить важнымъ пособіемъ правительству при административныхъ распоряженіяхъ, но не давали вѣрнаго понятія о фигурѣ изображаемой на нихъ страны. Таковъ былъ вѣроятно не найденный *большой чертежъ*; такимъ является и сохранившійся цѣлый атласъ Сибири, составленный по повелѣнію Государя Петра Великаго, Тобольскимъ боярскимъ сыномъ, Семеномъ Емельяновымъ Ремезовымъ, авторомъ Сибирской лѣтописи, Ремезову велѣно было собрать изъ Сибирскаго приказа всѣ прежніе чертежи и исправивъ погрѣшности, по разсказамъ бывалыхъ людей сдѣлать два экземпляра чертежа всей Сибири. Занимался Ремезовъ этимъ дѣломъ ровно годъ, кончилъ его 1701 года, января 1 и «за работу милостію Великаго Государя пожалованъ выходомъ и пять рублей денегъ *)».

Атласъ, или какъ его настоящее названіе «*чертежная книга*» состоитъ изъ 24 листовъ большаго формата, въ числѣ которыхъ находится и генеральный чертежъ всей Сибири. На немъ представленъ весь Сѣверный берегъ Россіи, отъ Бѣлаго моря къ Востоку до Кореи и Китая. На Сѣверномъ берегу Бѣлаго моря стоитъ *Стекольня* (Стокгольмъ), отсюда до устья Лены берегъ очерченъ довольно порядочно. По компасу назначенному на картѣ (неизвѣстно съ какимъ склоненіемъ) онъ направляется на Сѣверо-Востокъ. Противъ устья Лены назначенъ островъ Крестовый *провѣданный* въ 1690 году. По Восточную сторону устья выдается далеко въ море

*) Атласъ Ремезова находится въ Румянцовскомъ Музеѣ.

мысъ на другой картѣ того же атласа означенный такъ: *камень конца не имать.* Очертаніе берега наводитъ на мысль, что карта Татаріи приложенная къ сочиненію Олеарія была составлена по Сибирскимъ чертежамъ. Отъ этого *камня* берегъ вдругъ склоняется на Востокъ (по тому же компасу) и идетъ до устья Колымы; а отсюда на Юго-Востокъ до границъ Китая. На этомъ послѣднемъ пространствѣ послѣдовательно впадаютъ въ океанъ рѣки: Анадырь, Камчатка, Охота (названная Охвотою), Удь и Амуръ. Полуострова Камчатки вовсе нѣтъ, а между устьевъ Уды и Камчатки назначена часть *острова* Камчатки. Къ Западу отъ полуострова Кореи сдѣланъ островъ *Апонія* (Японія). На всѣхъ чертежахъ атласа Ремезова поставлено множество номеровъ, заставляющихъ догадываться, что и при немъ было описаніе въ родѣ «Книги большаго чертежа».

Трудъ Ремезова представляетъ послѣдніе по времени «географскіе чертежи», составленные по повелѣнію правительства по стариннымъ правиламъ. Въ 1699 году, адмиралъ Крюйсъ и съ нимъ самъ Государь производили уже по Европейскимъ способамъ съемку рѣки Дона, отъ Воронежа до Азова, и атласъ этой съемки былъ изданъ въ 1703 году.

Въ атласѣ (изданномъ 1726—1734 г.), по надписи на генеральной картѣ, «исправно сочиненномъ трудами оберъ-секретаря Правительствующаго Сената Иваномъ Кириловымъ» (составленномъ изъ работъ геодезистовъ) и академической картѣ (изд. въ 1745), въ которой «пространная Россійская Имперія по новѣйшимъ астрономическимъ обсерваціямъ и географическимъ извѣстіямъ изображена», Охотское море очерчено одинаково неправильно. Противъ устьевъ Амура поставленъ однако Сахалинъ. На Кирилова картѣ, на Юго-Востокъ отъ Сахалина лежитъ огромная земля Јессо, простирающаяся градусовъ на 18 въ широту, такъ что она и Сахалинъ замыкаютъ собою Охотское море. Къ Востоку отъ Јессо лежитъ цѣлый архипелагъ острововъ *Штатовъ* (Staaten Eyland), которые примыкаютъ къ землѣ обозначенной только съ Юга, это земля Жуана де Гама. На Академической картѣ Курильскіе острова назначены ближе къ истинѣ и земли Јессо уже нѣтъ. Полуострову Камчаткѣ на обоихъ картахъ даны разныя очертанія.

Несуществующая земля Штатовъ, безграничная Јессо и т. п. были скопированы съ Европейскихъ картъ. Западный берегъ Сѣверной Америки былъ хорошо извѣстенъ Европейцамъ только до Калифорніи, до шир. 40°; о странахъ Сѣвернѣе этого предѣла, до шир. 45°,

свѣдѣнія полученныя отъ мореплавателей Кабрильо (1542), Драка (1578) и д'Агвилара (1603) были менѣе опредѣлительны; а о странахъ лежащихъ градусовъ на десять широты еще далѣе къ Сѣверу, существовали только предположенія, основанныя на очень сомнительныхъ разсказахъ о плаваніяхъ Гуалля (1582), Жуанъ де Фука (1592) и де Фонта (1640). Японія была извѣстна только до широты 40°, т. е. не весь островъ Нипонъ. Сѣвернѣе его и означили предполагаемыя земли Іессо и Компаніи и между ими острова Штатовъ, видѣнные двумя Голландскими судами (1643 г.) и даже взятые ими во владѣніе Голландіи. Къ Востоку отъ этихъ отровов̀ъ рисовалась невѣдомая земля, открытая невѣдомымъ мореплавателемъ Жуаномъ де Гама. Всѣ эти послѣднія земли, положеніе которыхъ было весьма загадочно, на разныхъ картахъ и назначались различно. Такъ попали они и на карту астронома Делиля, составленную по случаю снаряженія экспедиціи Беринга.

По слухамъ въ Сибири знали о большой землѣ лежащей противъ Чукотскаго носа въ широтѣ 65°. Русское правительство не разъ дѣлало попытки къ изслѣдованію этихъ странъ. Геодезисты Лужинъ и Евреиновъ, въ 1719 году, были посланы на Курильскіе острова. Первая экспедиція Беринга (1725—1730) прошла изъ Охотска въ Камчатку и оттуда къ Берингову проливу, обозначивъ направленіе Камчатскаго берега. Казакъ Шестаковъ съ разрѣшенія правительства, въ 1729 году, отправился «обозрѣвать и покорить всѣ принадлежащія къ Восточной Сибири земли, въ томъ числѣ и *большую землю*», — Америку. Экспедиція эта, болѣе военная, ходила къ Шантарскимъ и Курильскимъ островамъ. Самъ Шестаковъ погибъ въ битвѣ съ Чукчами, и пріемникъ его Павлуцкій послалъ новую экспедицію къ «Большой землѣ». Одно изъ посланныхъ судовъ подъ командою подштурмана Θедорова, на которомъ находился также геодезистъ Гвоздевъ, дѣйствительно въ 1732 г. доходило до Америки, но при безпорядочномъ описаніи ихъ плаванія, провалявшемся долгое время въ архивахъ, не было даже и карты. Причина этого, по свидѣтельству Гвоздева, была слѣдующая: «на требо-«ваніе его о составленіи Θедоровымъ обще съ нимъ (Гвоздевымъ) «діурналъ, (журналъ) и ландкарту, въ какихъ мѣстахъ были и что «видѣли исправилъ. Θедоровъ не токмо діурналъ исправить; но и «къ сочиненію ландкартъ его (Гвоздева) не допустилъ, отвѣтствуя; «извѣстенъ-де я и самъ, что послалъ онъ изъ Государственной Ад-«миралтейской Коллегіи, не для сочиненія ландкартъ, но по штур-«манской должности, для морскаго ходу, и по той ихъ штурманской

«должности, сочиняются карты морскія, а не ландкарты. А и онъ, «къ своему дѣлу вспоможенія никакого не потребуетъ отъ другихъ «ранговъ, которыя морскаго обхожденія не знаютъ, такожъ ихъ «штурманской должности; а я (Гвоздевъ) по своей должности от-«правлялъ бы свое дѣло собою, что мнѣ показано, и сочинилъ бы «ландкарту, какъ мнѣ подлежитъ. А понеже выше показано, за не-«исправностію отъ него Ѳедорова того морскаго діурнала, карты «сочинить мнѣ было невозможно, того ради, оставя сочиненіе оной, «все и содержанный нами діурналъ въ разсмотрѣніе Охотскому пор-«ту я отослалъ.» Такимъ полезнымъ образомъ при первомъ шагѣ на Американскую землю заявило свои права тогдашнее служебное мѣстничество.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что и при послѣдующихъ экспедиціяхъ назначаемыхъ отъ правительства, нерѣдко случался разладъ между служащими, отъ котораго много терпѣло и самое дѣло имъ порученное.

По возращеніи изъ первой экспедиціи 1730 г. Берингъ представилъ Императрицѣ свои предложенія, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось и «о провѣданіи пути къ Америкѣ и Японіи, для учрежденія съ этими странами торговли» и въ поданныхъ отъ него (Беринга) пунктахъ и предложеніяхъ упоминалось «о строеніи тамо судовъ и прочихъ дѣлъ къ Государственной пользѣ и умноженіи нашего интереса». (Полное Собраніе Закон. Т. VIII, № 6023). Счастливое совпаденіе благопріятныхъ обстоятельствъ и личностей симпатизирующихъ этому дѣлу, привели его къ счастливому результату. Академія Наукъ, Правительствующій Сенатъ и Адмиралтействъ Коллегія приняли въ образованіи этой экспедиціи самое дѣятельное участіе, и въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Сената говорилось, что экспедиція «дѣйствительно въ пользу Ея Императорскаго Величества и ко славѣ Россійской Имперіи отправлена быть можетъ».

Временемъ начала этой экспедиціи начинается книга г. Тихменева. Изложивъ въ самыхъ короткихъ словахъ о плаваніяхъ и географическихъ открытіяхъ сдѣланныхъ на восточныхъ моряхъ Русскими промышленниками, которыхъ къ этому времени насчитывалось до 40 отдѣльныхъ партій, владѣющихъ однимъ или нѣсколькими судами, авторъ прямо переходитъ къ разсказу о дѣйствіяхъ на этомъ поприщѣ почетнаго Рыльскаго гражданина Григорія Ивановича Шелехова, главнаго основателя торговой компаніи, изъ которой образовалось впослѣдствіи Россійско-Американская

Компанія. Снаряжая нѣсколько разъ промысловыя экспедиціи за нужнымъ товаромъ на Алеутскіе и Курильскіе острова, въ сообществѣ съ Курскимъ купцомъ Голиковымъ, и другими Сибирскими купцами, Шелиховъ «не могъ не замѣтить, что промыслъ мѣховъ приходитъ годъ отъ году въ упадокъ. Видимое уменьшеніе пушныхъ промысловъ, вражда туземцевъ къ незванымъ пришельцамъ, насильственные поступки послѣднихъ и пр. требовали безотлагательныхъ мѣръ къ коренному преобразованію обыкновеннаго хода дѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ и изысканію способовъ къ правильному развитію промысла. Къ тому же, недостатокъ положительныхъ свѣдѣній объ Алеутскихъ островахъ вообще и самая непрочность правъ Россіи на владѣніе ими, подали Шелихову мысль, положить болѣе тѣсную связь между тѣмъ краемъ и его отечествомъ». (Ист. Обоз. Образов. Р. А. К. Стр. 6).

Для исполненія своего намѣренія, Шелиховъ, съ двумя Голиковыми, составилъ частную компанію срокомъ на 10 лѣтъ и со складочнымъ капиталомъ въ 70 т.; раздѣленнымъ на 120 паевъ. На этотъ капиталъ были снаряжены три галіота, и 16 августа 1783 года, подъ начальствомъ самаго Шелихова, сопровождаемаго женою, согласно условію заключенному между собою участниками предпріятія, отправились изъ Охотска, «на Аляксинскую землю, — называемую Американскою на знаемые и незнаемые острова, для производства пушнаго промысла и всякихъ поисковъ, и заведенія добровольнаго торга съ туземцами». (Стр. 7).

Прозимовавъ на Беринговомъ островѣ и посѣтивъ остр. Уналашку, Шелиховъ собралъ всѣ свои суда къ остр. Кадьяку, гдѣ и утвердился въ гавани Трехъ-Святителей, построивъ тамъ нѣсколько домиковъ и крѣпость. Послѣ довольно кровопролитной схватки ему удалось смирить туземныхъ жителей *конягъ* и первыхъ плѣнныхъ «согласно ихъ желанію» (какъ свидѣтельствуетъ Шелиховъ) поселить въ 50 верстахъ отъ гавани снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ для промысла звѣрей и въ обезпеченіи вѣрности взявъ у нихъ аманатовъ.

Вотъ первое зерно особаго характера цивилизаціи, брошенное на землю нашихъ Американскихъ владѣній, изъ котораго развились потомъ всѣ отношенія Русскихъ къ туземцамъ и явилась особая расса Креоловъ.

Утвердясь на Кадьякѣ, Шелиховъ, съ помощію покоренныхъ конягъ, успѣлъ осмотрѣть сосѣднія острова и часть матераго берега, къ западу до бухты Камышатской (на полуостровѣ Аляскѣ),

и къ востоку до мыса Св. Ильи, включая и Кенайской заливъ, вступилъ въ торговыя сношенія съ жителями и отъ всѣхъ окрестныхъ племенъ взялъ аманатовъ.

Въ маѣ 1786 года Шелиховъ пустился въ обратный путь, дошелъ моремъ до Большерѣцка; оттуда поѣхалъ берегомъ, и, послѣ страшно труднаго путешествія, прибылъ въ августѣ слѣдующаго года въ Иркутскъ. Здѣсь онъ представилъ Сибирскому генералъ-губернатору Якоби подробное описаніе своего путешествія и карту посѣщенныхъ имъ земель, съ планами построенныхъ на нихъ укрѣпленій.

Шелиховъ прося Якоби снабдить его инструкціею: «какъ обращаться съ приведенными имъ въ Россійское подданство народами и вообще объ исходатайствованіи милостиваго благоволенія Ея Величества къ трудамъ его на пользу отечества», писалъ: «Безъ Монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой, поелику и по дѣлу сему приступалъ и приступаю единственно съ тѣмъ, чтобы въ означенномъ морѣ землямъ и островамъ сдѣлать собою обозрѣніе и угодьямъ оныхъ учинить замѣчаніе, а въ пристойныхъ мѣстахъ въ отвращеніе другихъ державъ расположить надежнѣйшія наши, служащія къ славѣ премудрой нашей Государыни въ пользу свою и нашихъ соотечественниковъ, занятія. И не безъ основанія питаюсь надеждою, что такое намѣреніе и на будущія времена въ тѣхъ странахъ по мѣрѣ моего стремленія сколько силъ и возможности будетъ, открою непредвидѣнные государству доходы съ пользою при томъ и своею». (Стр. 15).

Вмѣстѣ съ этимъ, по случаю прекращенія торга въ Кяхтѣ, Шелиховъ просилъ позволенія послать въ Китай нѣсколько судовъ для вымѣна товаровъ на пушные промыслы или даже покупки ихъ на деньги.

Якоби представлялъ Императрицѣ о необходимости, для удержанія вновь присоединенныхъ земель во владѣніи России, отправить изъ Балтійскаго моря флотилію (мысль, которая уже до него приводилась въ исполненіе снаряженіемъ экспедиціи Муловскаго, не отправленной по причинѣ войны со Шведами) и устроить при рѣкѣ Удѣ портъ. Переходя къ дѣйствіямъ Шелехова, онъ замѣчаетъ, что изъ всего сдѣланнаго Шелеховымъ «видно болѣе радѣніе о пользахъ отечества, чѣмъ о собственныхъ выгодахъ».

Описывая благотворное вліяніе на жителей новаго края и начала просвѣщенія ихъ свѣтомъ христіанства, Якоби настаиваетъ на необходимости «поддержать начатое Шелиховымъ и не допустить корыстолюбіе и невѣжество разстроить все имъ созданное». (Стр. 20).

Продолжая доказывать необходимость отданія «въ исключительное право» компаніи Шелихова производства промысла въ занятыхъ имъ мѣстахъ, — Якоби представляетъ, что «вѣрноподданническое усердіе Шелихова, одобренное милостію Ея Величества, заставитъ его усугубить свои старанія въ образованіи сихъ народовъ, которые, имѣя къ нему всю довѣренность, конечно послѣдуютъ по тому пути, который онъ будетъ имъ указывать». Но потомъ какъ бы оправдываясь въ томъ, что ходатайствуетъ о монополіи, онъ прибавляетъ, «что поприще, на которомъ предстоитъ дѣйствовать Шелихову и компаніи, удалено собственно отъ Россіи гдѣ при такомъ несмѣтномъ числѣ торгующихъ и самый видъ монополіи былъ бы неумѣстенъ, стѣсняя Русскихъ подданныхъ въ пріобрѣтеніи того, что каждый, при свободной торговлѣ, можетъ получить отъ трудовъ своихъ. Да и кромѣ того, для производства промысловъ на Восточномъ океанѣ требуется гораздо болѣе расходовъ, не говоря уже о совершенно незначительномъ числѣ промышленниковъ въ сравненіи съ внутренней Россіей». (Стр. 21 — 22).

Коммерцъ-Коллегія, на разсмотрѣніе которой поступило дѣло Шелихова и присоединенное къ нему прошеніе о нѣкоторыхъ пособіяхъ со стороны казны, разсуждая, что принимая во вниманіе понесенные компаніею большіе расходы и особенную важность дѣйствій ея для торговли, по случаю остановленія торговъ съ Китаемъ, полагала возможнымъ поддержать Компанію ссудою отъ казны 200 т. р. на 20 лѣтъ безъ процентовъ съ удовлетворительными залогами.

По представленіи обо всемъ этомъ Императрицѣ, Шелиховъ и Голиковъ были награждены шпагами и золотыми медалями съ портретомъ Императрицы и съ изъясненіемъ за что онѣ пожалованы; сверхъ этаго изъ Правительствующаго Сената выдали имъ похвальныя грамоты «съ изображеніемъ всѣхъ ихъ къ добру общества подвиговъ и благонамѣренныхъ дѣяній». О деньгахъ же, военной командѣ (о которой они также просили) и, главное, объ монополіи промысловъ — не было и помину.

По возвращеніи въ Иркутскъ Шелиховъ, по мѣрѣ надобности снаряжалъ суда и отправлялъ ихъ изъ Охотска въ колоніи. Управлялъ же колоніями грекъ Деляровъ, жившій на Кадьякѣ; въ 1791 г. вмѣсто его принялъ правленіе замѣчательнѣйшій дѣятель купецъ Александръ Андреевичъ Барановъ.

Компанія Шелихова къ этому времени уже успѣла построить укрѣпленія на главныхъ островахъ Алеутской гряды и въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ матераго берега. Вблизи каждаго заселенія были описаны и изслѣдованы мѣста, удобныя для промысловъ; съ туземцами болѣе податливыми дѣла шли вообще мирно, а тѣхъ, которые не позволяли у себя селиться оставляли до времени въ покоѣ. Особенныя доски съ изображеніемъ креста и надписью: «земля Россійскаго владѣнія», выдаваемыя отъ правительства, для обозначенія вновь пріобрѣтаемыхъ земель, были положены по берегамъ на большое пространство за мысъ св. Ильи и много мѣдныхъ гербовъ Россійской Имперіи роздано было таіонамъ или старшинамъ инородцевъ.

Не должно забывать, что на ряду съ компаніей Шелихова и Голикова дѣйствовали и другія. Даже самъ Шелиховъ образовывалъ нѣсколько отдѣльныхъ компаній: Сѣверо-восточную, Предтеченскую, Аляскинскую и, впослѣдствіи, Сѣверо-Американскую, — цѣль послѣдней была обезпеченіе владѣній компаніи и распространеніе промысловъ отъ о. Уналашки до предѣловъ Ледовитаго моря.

Главнымъ двигателемъ всѣхъ этихъ компаній была выгода отъ промысла пушныхъ звѣрей, которыхъ въ первые годы появленія промышленниковъ въ этихъ мѣстахъ было вообще много; а въ иныхъ мѣстахъ звѣри водились въ баснословномъ количествѣ. Авторъ «Записокъ объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла», И. Веніаминовъ, пишетъ: «мѣсто, гдѣ находится нынѣ селеніе, на о. Георгія (одинъ изъ островов Прибылова) — какъ болѣе отлогое, въ первое время было покрыто на большое пространство разнаго рода звѣрями, и въ такомъ количествѣ, что промышленники не могли выходить съ судна на берегъ иначе, какъ лазя на утесъ по веревочной лѣсницѣ. Тоже самое было и на остр. св. Павла. На всемъ южномъ берегу и частію на западномъ столько было морскихъ звѣрей лежащихъ по родамъ, что первые посѣтители, подъѣхавъ къ острову, долго искали мѣста, гдѣ можно было бы пристать, и не потому, чтобы ихъ не обезпокоить и не испугать, но чтобы выйдти самимъ безопасно и безвредно. Первая бухта на западной сторонѣ, называемая *золотая*, особенно усѣяна была и на большое пространство морскими бобрами. На счетъ изобилія бобровъ и легкости ихъ промысла, здѣсь сохранилось слѣдующее преданіе. Прежніе промышленники были на полупаяхъ и потому каждый изъ нихъ — имѣлъ право пользоваться пушными товарами и промышленное ими не во время общаго промысла оставалось ихъ собственностію. А какъ общіе промыслы были по временамъ, то они, въ свободное время, и занимались, чѣмъ хотѣли; большая часть изъ нихъ

играли въ карты и кости на бобровъ и котовъ, живыхъ и битыхъ,— проигравшему стоило только выйдти изъ своего жилища и убить того бобра, на котораго выигравшій изъ окошка своего ему укажетъ». (Зап. объ Остр. Ун. Отд. Час. I. стр. 294 — 5). Вообще съ 1747 по 1791 г. вывезено было всѣми компаніями съ Алеутскихъ острововъ мѣховаго товара на 6.310,756 руб. асс. и для этаго было снаряжаемо до 70 судовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣлали нѣсколько вояжей. Прикащики и промышленники разныхъ компаній, сталкиваясь на тѣхъ же мѣстностяхъ, ссорились и стараясь по возможности вредить другъ другу вмѣшивали въ свои распри и инородцевъ.

Дѣла Шелихова компаніи шли не такъ хорошо, какъ онъ желалъ и надѣялся. Все основанное имъ приходило въ упадокъ отъ неимѣнія на мѣстѣ дѣйствія человѣка энергическаго, умнаго, честнаго, способнаго къ самой разносторонней дѣятельности и, не менѣе важное способнаго свыкнуться со всѣми трудностями колоніальной жизни и лишеніями, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занималъ и голодъ. Къ счастію компаніи такого человѣка нашелъ Шелиховъ въ Барановѣ.

Вступя въ должность правителя, онъ повелъ дѣло разумно и рѣшительно, принимаясь за все, что по его мнѣнію могло принести выгоду компаніи. Главную свою резиденцію на о. Кадьякѣ Барановъ перенесъ изъ гавани Трехъ-Святителей въ болѣе удобную — Павловскую. Барановъ объѣхалъ весь Чугацкій заливъ и взялъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ полуострова Аляски аманатовъ «средствами основанными на человѣколюбіи». Въ заливѣ Нучекъ онъ выдержалъ неожиданное нападеніе Колошъ или Колюжъ, воинственнаго, дикаго и непокорнаго туземнаго племени, занимающаго все прибрежье Америки и прилегающихъ къ нему острововъ, отъ залива Якутатъ, до шир. 52°. Между прочимъ, по желанію Шелихова Барановъ приступилъ къ постройкѣ судовъ и въ одной изъ гаваней Чугацкаго залива, въ теченіи 1794 года, выстроилъ трехмачтовое судно «Фениксъ» въ 180 тонновъ; а къ слѣдующему лѣту изготовилъ еще два судна меньшихъ размѣровъ. Виды Баранова простирались далеко; такъ въ надеждѣ на возможность торговыхъ сношеній съ Японіею, онъ послалъ (1794 г.) четыре семьи поселенцовъ и до 20-ти человѣкъ промышленныхъ на 18-й Курильскій островъ Урупъ.

Шелиховъ съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи, по ходатайству его и Голикова, Высочайше разрѣшено было устроить

въ колоніяхъ походную церковь и для религіознаго просвѣщенія туземцевъ отправить туда духовную миссію подъ завѣдываніемъ архимандрита. Для водворенія же въ колоніяхъ необходимыхъ ремеслъ и хлѣбопашества, дозволено было взять для поселенія изъ ссыльныхъ нѣсколько человѣкъ разныхъ мастеровыхъ и 10 семействъ занимавшихся хлѣбопашествомъ. Въ 1795 году, для управленія дѣлами всѣхъ своихъ компаній, Шелиховъ учредилъ въ Иркутскѣ контору.

Вотъ какъ г. Тихменевъ отзывается о Шелиховѣ: скончавшемся въ іюлѣ 1795 г., «кромѣ того что успѣлъ совершить въ теченіи своей жизни этотъ замѣчательный по уму, свѣдѣніямъ и характеру человѣкъ, многіе предположенія его на пользу общую, о которыхъ онъ ходатайствовалъ предъ правительствомъ, остались не приведенными въ исполненіе, какъ по обширности средствъ для нихъ необходимыхъ, такъ и собственно отъ различныхъ обстоятельствъ, тому противодѣйствовавшихъ. Между прочимъ онъ просилъ Иркутскаго генералъ-губернатора, въ донесеніи своемъ отъ 16 ноября 1694 года, о разрѣшеніи отправить экспедицію на собственномъ его содержаніи, для отысканія болѣе удобнаго пути отъ Иркутска къ Охотску по направленію рѣкъ Амура и Уды, и гавани вблизи устья первой изъ этихъ рѣкъ, способной для учрежденія пристанища и верфи для компанейскихъ судовъ. Опасеніе имѣть чрезъ производства означенныхъ изслѣдованій столкновеніе съ Китайцами, такъ какъ путь для экспедиціи неминуемо долженъ былъ лежать черезъ Китайскія владѣнія, заставило генералъ-губернатора отклонить это предложеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шелиховъ просилъ о дозволеніи устроить верфь для компанейскихъ судовъ на рѣкѣ Улѣ (впадающей въ море въ 35 верстахъ отъ Охотска), или на рѣкѣ Уракѣ (въ 15 верстахъ отъ Охотска). Онъ просилъ также о разрѣшеніи компаніи завести торговлю съ Японіей, Китаемъ, Индіей и Филиппинскими островами и т. д., и ходатайствовалъ, для лучшаго хода торговыхъ дѣлъ съ иностранцами, о назначеніи въ избранныхъ мѣстахъ въ консульскія должности лицъ, способныхъ къ такому роду дѣлъ, «людей свѣдущихъ и важнаго духа». Всѣ такія предположенія были представлены въ свое время на Высочайшее воззрѣніе. Самое главное изъ нихъ: завести торговлю съ Китаемъ въ южныхъ его портахъ, т. е. въ Кантонѣ, рушилось по случаю безспокойствъ въ то время въ Европѣ. «Намѣреніе наше на Кантонъ», писалъ Шелиховъ Баранову, пресѣклось, ибо Французы заставили весь свѣтъ

противо себя воевать». Это дѣло современемъ не оставимъ выполнить, ибо имѣемъ въ томъ нужду и для Охотска». (Стр. 47).

«Вообще всѣ дѣйствія и предположенія Шелихова, продолжаетъ г. Тихменевъ, смѣлыя по мысли для того времени, но твердыя въ своихъ основаніяхъ, какъ доказано послѣдствіями, свидѣтельствуютъ объ обширности ума и дальновидности этаго человѣка, и даютъ ему неотъемлемое право на уваженіе и признательность потомства».

По смерти Шелихова, главнымъ оффиціально-дѣйствующимъ лицомъ осталась вдова Шелихова, потому, что имѣніе одного Голикова (Ивана) находилось подъ секверстомъ, по случаю казеннаго взысканія, а другой Голиковъ, капитанъ Михаилъ Сергѣевичъ умеръ *). Въ числѣ лицъ способствовавшихъ Шелихову управлять дѣлами компаніи является зять его Николай Петровичъ Резановъ. Г. Тихменевъ объ немъ говоритъ слѣдующее: «многостороннее образованіе, обширныя связи въ Петербургѣ, вкратчивый и ловкій умъ, неутомимая дѣятельность и, наконецъ, преданность всею душею предпріятіямъ Шелихова даютъ ему право назваться однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ дѣлѣ заселенія береговъ Восточнаго Океана». (Стр. 48).

Такимъ образомъ въ это время дѣло компаніи главнѣйше зависило отъ Резанова и Баранова, двухъ лицъ всецѣло преданныхъ ея выгодамъ. Резановъ хлопоталъ объ ней въ Петербургѣ; а Барановъ на мѣстѣ — въ Америкѣ.

По смерти Шелихова Иркутскіе купцы, не пріязненные Шелихову за видимое желаніе его забрать всю колоніальную торговлю въ свои руки, всѣми силами старались повредить успѣху его ком-

---

*) На памятникѣ его, поставленномъ на Охотенскомъ кладбищѣ, находятся стихи, показывающія, что даже участіе въ компаніи капиталомъ и изданіе карты открытыхъ земель, считалось уже заслугою, то какимъ же авторитетомъ долженъ пользоваться Шелиховъ, котораго современники называли «Русскимъ Колумбомъ».

Для пользъ сообщества достатокъ истощая, землеисканіемъ честь Россовъ умножая,
Соорудилъ суда, съ Охотскихъ кои водъ нашли въ полночную Америку проходъ:
На мѣдной дскѣ чертежъ имъ оныхъ мѣстъ оставленъ,
Чѣмъ Голикова трудъ и общниковъ прославленъ.

паніи. Но счастіе не оставляло ея: съ одной стороны Иркутскій Губернаторъ Нагель защищалъ ея отъ «несправедливыхъ гоненій» ея враговъ; а съ другой, главный изъ промышленниковъ, купецъ Мыльниковъ, составившій подобную же компанію и намѣревавшійся послать суда въ мѣста заняться Шелиховымъ, такъ плохо разсчитывалъ свои средства, что компанія его должна была, для спасенія своего отъ не избѣжнаго банкротства, присоединиться къ компаніи Шелихова.

Слѣдствіемъ этого соглашенія былъ актъ, утвержденный 3 августа 1794 года, которымъ образована *Соединенная компанія*. Во владѣніе ея поступило все имущество Шелеховой компаніи въ 600 т. р. асс. Изъ нихъ 400 т. слѣдовало возвратить вдовѣ Шелиховой въ $2^1/_2$ года, а 200 т. поступило въ общій компанейскій капиталъ, который состоялъ изъ 723 т. и былъ раздѣленъ на 723 акціи. Компанія имѣла 9 судовъ и управлялась двумя директорами избираемыми компаніонами. Баранову въ уваженіе его заслугъ назначено было изъ общей прибыли 20 паевъ и большая денежная награда, отъ которой онъ однако отказался.

Въ 1799 году 8 іюля послѣдовалъ Высочайшій указъ упрочившій благосостояніе компаніи.

«Польза и выгоды, изображено въ указѣ, проистекающія для Имперіи Нашей отъ промысловъ и торговли, производимыхъ вѣрноподданными Нашими по Сѣверо-Восточному морю и въ тамошнемъ краѣ Америки обратили на себя Наше Монаршее вниманіе и уваженіе. Почему, принимая въ непосредственное покровительство Наше, составившуюся по предмету оныхъ промысловъ и торговли компанію, повелѣваемъ ей именоваться: *подъ Высочайшимъ Нашимъ покровительствомъ Россійско-Американская компанія*; и соизволяемъ, чтобы въ подкрѣпленіе предпріятій сей компаніи, возможныя со стороны военныхъ начальствъ пособія Нашими сухоптными и морскими силами, по требованіямъ ея чинимы были на ея содержаніе. Къ руководству же и въ вящщее облегченіе и одобреніе сей компаніи составлены для нея правила и содержаніе Всемилостивѣйше отъ Насъ ей отъ сего времени на двадцать лѣтъ привеллегій».

Главнѣйшая привиллегія состояла въ томъ, что компаніи предоставлялось: «пользоваться всѣми промыслами и заведеніями находящимися на Сѣверо-Западномъ берегу Америки отъ 55° Сѣв. широты до Берингова пролива и далѣе, также на островахъ Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ, лежащихъ по Сѣверо-Восточному

Океану, и всѣмъ тѣмъ, что до нынѣ въ этихъ мѣстахъ, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ земли было отыскано, или впредь отыщется, *безъ всякаго со стороны другихъ притязанія»*.

Вмѣстѣ съ этимъ компаніи предоставлялось право: «дѣлать открытія не только выше 55° N широты, но и далѣе къ Югу, и занимать открываемую землю въ Россійское владѣніе, если эти земли никакими другими народами не заняты и не вступили въ ихъ зависимость». Дозволялось также заводить, гдѣ нужно, заселенія и укрѣпленія, имѣть торговлю (съ Высочайшаго впрочемъ утвержденія) со всѣми около лежащими державами и нанимать на службу компаніи «всякаго состоянія свободныхъ людей». Къ числу 723 существующихъ доселѣ акцій прибавили еще тысячу; для управленія компаніи назначалось 4 директора и изъ нихъ одинъ, какъ опекунъ, со стороны семейства Шелихова. Въ слѣдующемъ году Главное Правленіе было переведено въ Петербургъ; а въ Иркутскѣ осталась только контора. Число акцій компаній (цѣны прежнихъ достигли до 3.727 р. $27^{3}/_{4}$ к.) увеличено до 7.350 и цѣна каждой акціи опредѣлена въ 500 руб.

Въ Америкѣ дѣла компаніи шли хорошо. Барановъ, сдѣланный въ 1802 г. главнымъ правителемъ всѣхъ владѣній компаніи оказался дѣйствительно человѣкомъ для нея неоцѣненнымъ. Непреклонный его характеръ и умѣнье обращаться съ людьми пріобрѣли ему полное уваженіе туземцовъ и промышленниковъ. Предпріимчивость его на пользу компаніи была неистощима. Преслѣдуя главную цѣль: добычу промысловъ (для чего онъ не отвергалъ никакихъ средствъ), онъ не упускалъ изъ вида улучшенія во всѣхъ отношеніяхъ тамошнихъ колоній.

Основавъ заселеніе въ Якутатѣ, онъ проникнулъ своими промысловыми партіями до острова Ситхи, который обратилъ на себя особенное его вниманіе изобиліемъ въ лѣсѣ и удобствомъ гавани, свободной отъ льдовъ въ продолженіи цѣлаго года и посѣщаемой иностранными судами, торгующими съ Колошами.

Въ 1799 году г. Баранову удалось утвердиться на этомъ островѣ и построить крепостцу. Заселеніе это 1802 года было вырѣзано Колошами и Барановъ могъ возвратить его и окончательно тутъ утвердиться только въ 1804 г. при пособіи прибывшаго изъ Кронштадта корабля «Нева» подъ командою Лисянскаго. Крѣпость построена была на новомъ мѣстѣ и получила названіе Ново - Архангельскъ.

Много дѣлали Баранову хлопотъ иностранцы: Англичане и особенно Американцы, являвшіеся вымѣнивать, въ ущербъ выгодамъ компаніи, мѣха у туземцевъ и, что всего хуже, снабжать ихъ за это порохомъ и оружіемъ. Пользуясь пріобрѣтенными средствами туземцы не оставались покойными, дѣлали нападенія на Русскія заселенія и не разъ пытались освободиться отъ незванныхъ гостей, стѣсняющихъ ихъ свободу. Крайне плохой постройки суда и недостатокъ знающихъ мореходовъ были причинами частой гибели судовъ, разстроивали многіе планы Баранова, нерѣдко заставляли колоніи нуждаться въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, даже въ продовольствіи, и вообще приносили компаніи большіе убытки. Для избѣжанія этого суда перестали строить въ Охотскѣ и, въ случаѣ недостаточнаго числа судовъ колоніальной постройки, Баранову разрѣшено было покупать ихъ у иностранцевъ. Для улучшенія мореплаванія, съ образованіемъ Россійско-Американской компаніи, началось откомандированіе на ея службу штурманскихъ и морскихъ офицеровъ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны, поступавшіе въ 1802 г., Лейтенантъ Хвостовъ и Мичманъ Давыдовъ.

Все до сихъ поръ перечисленное составляетъ содержаніе только первыхъ двухъ главъ книги г. Тихменева. Третія глава посвящена разсказу «о распространеніи Россійскихъ колоній на Сѣверо-Западномъ берегу Америки и отправленіе въ 1803 году, по Высочайшему повелѣнію, посольства въ Японію съ экспедиціей, снаряженной отъ компаніи, для плаванія вокругъ свѣта.

Здѣсь описываются дальнѣйшія дѣйствія энергическаго Баранова, разсказано подробно основаніе заселенія на островѣ Ситхѣ между враждебными Колошами, отнятіе крѣпости, трагическое побоище новыхъ поселенцевъ и, наконецъ, возвращеніе крѣпости и окончательное утвержденіе на Ситхѣ. Далѣе описываются разныя сношенія Баранова съ приходящими для торговли съ Колошами, иностранцами, къ помощи которыхъ онъ долженъ былъ прибѣгать не имѣя другихъ средствъ для снабженія колоній всѣмъ необходимымъ. Къ довершенію о трудности положенія Баранова нерѣдко и подчиненные его интриговали, противъ него возбуждали неудовольствія и поступали противно его распоряженіямъ. Весьма подробно описано у г. Тихменева снаряженіе и отправленіе первой Русской кругосвѣтной экспедиціи, состоящей изъ двухъ судовъ: Надежда и Нева. Цѣль ея назначенія было доставленіе запасовъ и товаровъ въ колоніи, пріемъ съ Кадьяка и изъ Охотска пушныхъ товаровъ и попытки промѣна ихъ на Ки-

тайскіе товары въ Кантонѣ. Этой же экспедиціи поручалось, если дозволятъ обстоятельства, произвести съемку острововъ, лежащихъ въ Сѣверной части Восточнаго океана и у Американскаго берега, до широты 55° и далѣе. На Надеждѣ отправленъ былъ (въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, составлявшихъ его свиту) Резановъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и дѣйствительный камергеръ, облаченный, при настоящемъ случаѣ, въ званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра къ Японскому двору. Резанову поручалось завести торговыя сношенія между Россіею и Японіею; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ полномоченный агентъ компаніи долженъ былъ разсматрѣть на мѣстѣ всѣ нужды колоній, по возможности удовлетворить ихъ и обо всемъ этомъ представить донесеніе Государю Императору. Въ окончательной инструкціи, данной Резанову, ему предоставлялось «полное распоряженіе управленіемъ во время вояжа судами и экипажемъ и сбереженіемъ онаго»; а капитану Крузенштерну, какъ старшему командиру, поручалось «одно только управленіе судами и экипажемъ». Вмѣсто этого чрезвычайное миролюбіе и уступчивость Резанова и ложный взглядъ на свое значеніе на кораблѣ сдѣлали его, полномочнаго посланника, предметомъ различныхъ оскорбленій на суднѣ отряда совершенно ему подчиненнаго. Далѣе у г. Тихменева изложены дѣйствія этой экспедиціи; совершенно, неудавшееся посольство которое даже не было и принято Японскимъ правительствомъ и наконецъ возвращеніе обѣихъ судовъ въ Россію. При этомъ разсказѣ обращено особенное вниманіе на все касающееся дѣлъ компаніи. Въ четвертой главѣ, довольно сжато, но касаясь всѣхъ, сколько-нибудь значительныхъ, для компаніи, предметовъ, описывается состояніе колоній въ 1803 году и все, что въ нихъ успѣлъ сдѣлать Барановъ въ продолженіи съ небольшимъ десяти лѣтъ. Перечисляются укрѣпленія и прочія заселенія колоніи, обитающія тамъ и сосѣднія племена туземцевъ, неуспѣшность распространенія между ими христіанства и неудовлетворительное состояніе и недостатокъ школъ, способы продовольствія колоніи, состояніе здоровья жителей, попытки къ распространенію земледѣлія, огородничества и скотоводства и естественныя произведенія страны. Потомъ разсказывается обозрѣніе Резановымъ заселеній колоній и свидѣтельство ихъ магазиновъ. Посѣщеніе имъ гряды Алеутскихъ острововъ Уналашки, острововъ Прибылова, Кадьяка, на которомъ онъ прожилъ три недѣли и прибытіе въ Новоархангельскъ. Объ островахъ Прибылова Резановъ пишетъ: «Множество котовъ, коими изобилу-

ютъ острова, невѣроятно, — берега покрыты ими, — промыслъ легкій, потому что мы сами, не имѣя свѣжей пищи, не болѣе какъ въ полчаса убили штукъ до 80, но при всемъ томъ мнѣ сказывали, что онѣ уменьшились противъ прежняго въ-десятеро. До сихъ поръ добыто на островахъ *болѣе мильона* штукъ котовъ.» (стр. 133).

Наконецъ два замѣчательные и главнѣйшіе дѣятели компаніи встрѣтились въ Ново-Архангельскѣ. «Я нашелъ Баранова, пишетъ Резановъ, водворившагося тамъ прочно, строеній довольно, всѣ изъ мачтоваго лѣса на булыжныхъ фундаментахъ. Живемъ мы всѣ очень тѣсно, но всѣхъ хуже живетъ пріобрѣтатель мѣстъ сихъ, въ какой-то дощатой юртѣ, наполненной сыростію до того, что всякій день обтираютъ плѣсень, и при здѣшнихъ сильныхъ дождяхъ, какъ рѣшето текущей. Чудный человѣкъ, онъ заботится только о покойномъ помѣщеніи другихъ, но о себѣ самомъ безпеченъ до того, что однажды я нашелъ кровать его въ водѣ плавающую и спросилъ не оторвало-ли гдѣ вѣтромъ доску? — Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ онъ, видно натекло ко мнѣ съ площади, и продолжалъ свои распоряженія. Я скажу вамъ, мм. гг. (относится къ директорамъ компаніи), что Барановъ есть весьма оригинальное и притомъ счастливое произведеніе природы. Имя его громко по всѣму западному берегу до самой Калифорніи. Бостонцы (т е. приходящіе на судахъ Американцы) почитаютъ его и уважаютъ, а туземцы боясь его изъ самыхъ дальныхъ мѣстъ предлагаютъ ему свою дружбу. Истинный патріотъ вполнѣ оцѣнитъ его при всѣхъ недостаткахъ и слабостяхъ человѣка, которые ему свойственны, въ коихъ виною или воспитаніе или вынужденный долгимъ временемъ навыкъ. Будучи брошенъ судьбою въ кучу буйныхъ умовъ, онъ долженъ былъ находить любовь ихъ и повиновеніе и по неволѣ къ образу ихъ жизни поддѣлываться, а чрезъ то принуждая себя къ такому сгибу, въ которомъ умъ и сердце его противорѣчатъ, привыкъ онъ не уважать такими въ людяхъ слабостями, которыя съ доброю нравственностію не совмѣстны.» (Стр. 135 — 6).

Дѣятельно принявшись за преобразованіе системы колоніальнаго управленія, Резановъ старался сколько было возможно все приспособить къ потребностямъ времени и нуждамъ края, проводя почти во вѣхъ преобразованіяхъ гуманныя начала. Право служащихъ на извѣстную часть въ промыслѣ, которое въ послѣднее время дѣлалось для нихъ весьма невыгоднымъ, онъ замѣнилъ ежегодною платою не менѣе 200 руб. Въ случаѣ высылки дурныхъ вещей или припасовъ въ колоніи, промышленнымъ дано право чрезъ

своихъ выборныхъ дѣлать всему оцѣнку, и принимать всякую вещь по дѣйствительной ея стоимости; убытокъ же происходившій отъ того для компаніи положено взыскивать съ той конторы, которая поставила дурныя вещи. Онъ значительно улучшилъ существующія училища, открылъ школу для дѣвочекъ, предположилъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ и ученицъ посылать въ Москву и въ Петербургъ, для обученія наукамъ, мастерствамъ и ремесламъ; значительно увеличилъ колоніальную библіотеку, основанною Шелиховымъ, распредѣлилъ служащимъ жалованье болѣе соотвѣтственное ихъ труду, устроилъ для нихъ больницу, судъ для разбирательствъ различныхъ прошеній и т. п. Духовнымъ *вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность изучать туземные языки* и даже самъ занялся собраніемъ Японскихъ и туземныхъ словъ.

Въ Ново-Архангельскѣ при Резановѣ устроены два элинга, для постройки судовъ. Кромѣ этаго, для службъ въ колоніяхъ, у одного американца выгодно куплено имъ хорошее судно Юнона, на которомъ онъ съ полубольною командою сходилъ въ Калифорнію и привезеннымъ оттуда провіантомъ спасъ населеніе колоній отъ голодной смерти. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ времени пребыванія Резанова въ колоніяхъ было отправленіе въ Японію секретной экспедиціи изъдвухъ судовъ подъ начальствомъ Хостова и Довыдова. «Приписывая отказъ Японскаго правительства заключить торговый трактатъ съ Россіею единственно противодѣйствію министра, пользовавшагося особеннымъ вліяніемъ въ Японіи и стоявшаго, за необходимость отчужденія его отечества отъ иностранцевъ, Резановъ пришелъ къ убѣжденію, что Яяпонію слѣдовало бы принудить силою исполнить желаніе Россіи. Еще въ бытность свою на Уналашкѣ онъ писалъ къ Государю: «усиля Американскія заведенія и выстроя суда можемъ и Японцевъ принудить къ открытію торга, котораго народъ весьма сильно желаетъ у нихъ. Я не думаю, чтобы Ваше Величество вмѣнили мнѣ въ преступленіе, когда имѣя теперь достойныхъ сотрудниковъ, каковы Хвостовъ и Давыдовъ и помощію которыхъ выстроя суда, пущусь на будущій годъ къ берегамъ Японскимъ раззорить на Матсмаѣ селеніе ихъ, вытѣснить ихъ изъ Сахалина и разнести по берегамъ страхъ, дабы отнявъ между тѣмъ рыбные промыслы, и лиша до 200,000 человѣкъ пропитанія, тѣмъ скорѣе принудить ихъ къ открытію съ нами торга.» (Стр. 153 — 4). Блистательныя предположенія эти кончились со стороны Резанова отмѣненіемъ (въ дополненіи къ инструкціи данной Хвостову) всякой военной попыт-

ки; а со стороны Хвостова и Давыдова самовольнымъ разграбленіемъ нѣсколькихъ Японскихъ селеній и, наконецъ по прибытіи въ Охотскъ, также самовольнымъ арестованіемъ ихъ, тамошнимъ начальникомъ Бухаринымъ. Самъ же Резановъ скончался на возвратномъ пути въ Петербургъ.

О дѣйствіяхъ и личности Резанова, г. Тихменевъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «польза отъ личнаго его участія въ управленіи колоніями была несомнѣнна. Сколько могло быть въ головѣ его такихъ проектовъ, о которыхъ онъ думалъ передать правительству и директорамъ компаніи по возвращеніи своемъ въ столицу. Еслибы жизнь Резанова не прекратилась такъ скоро, то конечно нѣкоторые изъ плановъ его были бы приведены въ исполненіе гораздо ранѣе, чѣмъ они осуществились въ послѣдствіи, другіе не оставались бы совершенно безъ всякаго вниманія. Вообще должно сказать, что немногіе могли бы предпринить то, что онъ исполнилъ съ такимъ самоотверженіемъ. Дѣйствія его въ пользу общую были слишкомъ мало оцѣнены въ свое время, и даже нерѣдко толковались превратнымъ образомъ. Нѣкоторые даже считали его не болѣе какъ мечтателемъ, способнымъ только созидать планы на бумагѣ. Между тѣмъ ни неудачи, ни непріятности, ни разнаго рода препятствія не помѣшали ему съ необыкновеннымъ постоянствомъ идти къ своей цѣли, — и наконецъ доказать, что, не смотря на чрезвычайную доброту и мягкость его характера, такой человѣкъ какъ онъ могъ сдѣлать *многое.*» (Стр. 162 — 3).

Глава пятая содержитъ описаніе четырехъ кругосвѣтныхъ экспедицій отправленныхъ компаніею: Гагейместера (имѣвшаго впослѣдствіи весьма важное вліяніе на ходъ компанейскихъ дѣлъ) на кораблѣ «Нева»; Лазарева — на кораблѣ «Суворовъ»; вторичной экспедиціи Гагемейстера, на кораблѣ Кутузовъ съ подчиненнымъ ему Понафидинымъ на кор. Суворовъ и потомъ, того же, Панафидина на кор. Бородино. Здѣсь же разсказаны сношенія Баранова съ Американской мѣховой компаніей; торговля съ заходившими въ колоніи иностранцами; общія вмѣстѣ съ ними промыслы и наемъ этихъ судовъ, для исполненія различныхъ колоніальныхъ нуждъ Особенное вниманіе читателя обращаетъ подробное описаніе дѣйствій доктора Шеффера едва не присоединившаго къ компанейкимъ владѣніямъ одинъ изъ Сандвичевыхъ острововъ. Иностранецъ Шефферъ, служившій врачемъ на кораблѣ Суворовъ, былъ по непріятностямъ съ офицерами оставленъ въ колоніяхъ. За неимѣніемъ другаго лица, знающаго иностранные языки, Барановъ

отправилъ его на Сандвичевы острова къ королю Тамеомео, съ порученіемъ: возвратить компанейское судно и грузъ, захваченные островитянами, или вытребовать за это равноцѣнное вознагражденіе. Шеффе ъ поссорился съ Тамеомео, но въ замѣнъ этаго пріобрѣлъ полное расположеніе другаго короля Томари, владѣтеля острововъ Атуай, и выхлопоталъ у него, кромѣ платы сандальнымъ деревомъ за судно и грузъ, дозволеніе на монополію торговли этимъ цѣннымъ товаромъ и учрежденіе во владѣніяхъ Томари компанейской факторіи. Затѣмъ Шефферъ обѣщалъ Томари 500 человѣкъ и нѣсколько вооруженныхъ судовъ, для покоренія владенія Темеомео, причемъ принималъ на себя и командованіе войсками; а Томари уступалъ во владѣніе компаніи половину острова Оагу и самъ совсѣмъ подвластнымъ ему народомъ просилъ принять его подъ покровительство Россійскаго Императора, и въ знакъ этого поднялъ у себя Русскій флагъ. Это возбудило сильныя интриги и противодѣйствіе со стороны иностранцевъ, бывшихъ на островахъ. Тамари, скоро разсорился съ Шефферомъ и разумѣется не исполнилъ ничего обѣщаннаго. Шефферъ бѣжалъ въ Кантонъ, бывшіе съ нимъ Русскіе кое-какъ добрались до Ново-Архангельска; а компанія заплативъ за все это около 230 т. руб. ас. впослѣдствіи еще приплатилась Шефферу просившему вознагражденія за свою службу.

Въ главѣ шестой, и частію въ десятой, разсказывается съ большою полнотою первоначальное знакомство компаніи съ Калифорніею, причины служившія поводомъ къ учрежденію заселенія Россъ, вся исторія его существованія, непрочность тамошняго владѣнія вслѣдствіе политическихъ причинъ и важныя невыгоды заселенія поставившія компанію въ необходимость продать его за безцѣнокъ.

Седьмая глава имѣетъ заглавіе: «Дѣйствія главнаго правленія компаніи и состояніе колоній до окончанія срока первыхъ привиллегій компаніи». Здѣсь описываются нѣкоторыя улучшенія въ колоніальномъ управленіи, благодѣтельныя особенно для туземцевъ и произведенныя главнымъ правленіемъ компаніи по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ командирами бывшихъ въ колоніяхъ судовъ: И. Ѳ. Крузенштерна и В. М. Головнина. Послѣднему изъ нихъ Высочайше повелѣно было обревизовать колоніи и разъяснить отношенія существующія между служащими компаніи и туземцами. Правительство желало имѣть обо всемъ этомъ точныя свѣдѣнія по случаю приближенія срока окончанія привиллегіи компаніи.

Оба они т. е. И. Ѳ. Крузенштернъ и особенно В. М. Головнинъ выставили на видъ многія темныя стороны колоніальнаго управленія, и Главное Правленіе Компаніи озаботилось возможнымъ исправленіемъ всего указаннаго. Результатомъ этаго было значительное улучшеніе во многихъ отношеніяхъ участи туземцевъ, и послужило поводомъ къ Высочайшему утвержденію, для лицъ служащихъ въ компаніи почти всѣхъ преимуществъ коронной службы.

Въ этой главѣ разсказано объ окончаніи служебнаго (окончившаго почти единовременно съ жизнею) поприща благороднаго Баранова. Его смѣнилъ Гагемейстеръ. «При сдачѣ все компанейское имущество, считавшееся на лицо, найдено не только въ совершенномъ порядкѣ, но даже въ количествѣ превышающемъ значущееся по описямъ, хотя счетная часть и не производилась съ должною отчетностію». (Стр. 243). Рѣдкій примѣръ безкорыстія, въ особенности, когда вспомнимъ, что Барановъ дѣйствовалъ почти самовластно, производилъ значительные торговые обороты и что въ то время большая часть агентовъ компаніи думала гораздо больше объ увеличеніи своего собственнаго, нежели компанейскаго капитала.

Въ этотъ же періодъ первыхъ привиллегій (1814 г.). «По случаю распространенія круга дѣятельности компаніи, при чемъ встрѣчались часто дѣла особенной важности, рѣшеніе которыхъ превышало власть директоровъ», представлено было и Высочайше утверждено, для рѣшенія такихъ дѣлъ составить *совѣтъ* изъ трехъ акціонеровъ, имѣющихъ право голоса. Этому совѣту предоставлено было вообще съ Главнымъ Правленіемъ право рѣшать, безъ опроверженія со стороны акціонеровъ, дѣла, требующія особеннаго вниманія по предметамъ политическимъ и торговымъ.

Въ заключеніе седьмой главы авторъ приводитъ интересную вѣдомость о состояніи капиталовъ компаніи, съ основанія ея до окончанія срока первыхъ привиллегій, т. е. съ 1797 по 1821 г. Изъ этой вѣдомости мы узнаемъ, что первоначальный складочный капиталъ компаніи былъ. . . . . 723,000 р. асиг.

Внесено вновь поступившими акціон. . . 515,738 » 78 к.

Итого . . . 1.238,738 р. 78 к.

На этотъ капиталъ пріобрѣтено компаніею съ 1797 по 1820 г., за исключеніемъ расходовъ, убытковъ и потерь 7.685,608 р. 57 к. Изъ числа этой прибыли присоединена къ складочному капиталу, по желанію акціонеровъ, вся первоначальная прибыль, и по акту

компаніи десятая часть всѣхъ прибылей, поступившихъ въ выдачу, что составило . . . . 3.331,510 р. 77 к.

Выдано акціонерамъ съ 1802 по 1819 включительно . . . . 4.257,098 » 80 »

Къ 1-му январю 1820 г. компанія имѣла капитала образовавшагося изъ первоначальнаго и присоединеннаго . . . . 4.570,249 » 55 »

Число акцій было 7713; стоимость каждой акціи равнялась 592 р. 53 к. Въ 1820 г. акціонеровъ разныхъ мѣстъ и лицъ было 630.

Отъ продажи мѣховъ и вымѣна чая пріобрѣтено . . . . 16.376,695 » 95 »

Пошлины заплачено около . . . . 2.000,000 »

13-го сентября 1821 года, компанія получила привиллегіи еще на 20 лѣтъ.

Въ главѣ восьмой заключается «опредѣленіе конвенціями съ иностранными державами колоніальныхъ границъ, и экспедиціи, снаряжавшіяся компаніею съ 1821 — 1841 годъ, для распространенія сношеній съ независимыми туземцами и для ученыхъ цѣлей».

Трактатъ заключенный Россіею съ Соединенными Штатами (1824 г.) измѣнялъ нѣсколько назначенную въ привилегіяхъ, въ ущербъ компаніи, южную границу владѣній компаніи на сѣверо-восточномъ берегу Америки и, главное, разрѣшалъ въ продолженіи десяти лѣтъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ производить въ колоніальныхъ водахъ рыбную ловлю и по берегамъ торговлю съ туземцами. Это возбудило жалобы со стороны компаніи и дипломатическую переписку.

Далѣе описываются дѣйствія Гудзонбайской компаніи и столкновеніе съ нею Россійско-Американской на рѣкѣ Стахинъ. Возбудившіяся по этому дѣлу сильныя неудовольствія были улажены, ко взаимной выгодѣ обѣихъ сторонъ барономъ Ѳ. П. Врангелемъ, отдачею въ арендное содержаніе Гудзонбайской компаніи на 10 лѣтъ полосы земли по берегамъ рѣки Стахина, на условіяхъ, по словамъ автора, не безвыгодныхъ для нашей компаніи.

Нѣсколько экспедицій морскихъ и сухопутныхъ, снаряженныхъ компаніею, подъ начальствомъ: Этолина, Хромченко, Кашеварова, Козьмина и пр. осмотрѣли и сдѣлали съемки полуострова Аляски и многихъ другихъ мѣстъ Американскаго берега, лежащаго отъ него къ сѣверу; а также и нѣкоторыхъ острововъ, въ томъ числѣ и Шантарскихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ экспедицій проникали во внутрен-

ность компанейскихъ владѣній, заводя, гдѣ предстояла возможность, торговлю съ туземцами. Осматривали западный берегъ Охотскаго моря, для отысканія удобной гавани, которую и нашли въ Аянѣ и, наконецъ, осмотрѣли дорогу отъ Якутска до Удскаго и Алдамскаго залива.

Глава девятая посвящена описанію распространенія религіознаго просвѣщенія между туземцами. Здѣсь мы узнаемъ, въ этотъ періодъ времени, состояніе православной церкви въ колоніяхъ, образъ дѣйствія съ туземцами священнослужителей и особенно извѣстнаго протоіерея (впослѣдствіи архіепископа Инокентія) Веніаминова. Тогда уже переводилось священное писаніе на туземные языки и распространялась между туземцами грамотность. Интересенъ касающійся до этаго предмета отзывъ отц. Веніаминова объ Алеутахъ: «когда они увидѣли книжки на своемъ языкѣ, т. е. катехизисъ, переведенный мною и напечатанный первымъ изданіемъ, то даже старики начали учиться грамотѣ для того, чтобы читать по своему.... Изъ всѣхъ добрыхъ качествъ Алеутовъ, ничто столько не порадовало и не услаждало моего сердца, какъ ихъ усердіе или, правильнѣе сказать, жажда къ слышанію слова Божія, такъ что скорѣе утомится самый неутомимый проповѣдникъ, чѣмъ ослабнетъ ихъ вниманіе и усердіе къ слышанію слова.... Въ церкви и на молитвѣ они стоятъ удивительно твердо. Во время продолженія службы, хотя бы то было четыре часа, какъ напримѣръ въ первые дни страстной недѣли, всякій изъ нихъ и даже самыя дѣти стоятъ не переступая съ ноги на ногу, такъ что по выходѣ ихъ изъ церкви можно даже перечесть сколько ихъ было смотря на ихъ мѣста, гдѣ они стояли. — Не скажу очень многіе, но нѣкоторые изъ алеутовъ молятся и умѣютъ молиться; я разумѣю не то, что они умѣютъ дѣлать крестное знаменіе и кланяться и говорить какую-нибудь молитву, нѣтъ! нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ молиться отъ души, и невыказывая себя при людяхъ или въ церкви, но часто вшедъ *въ клѣть свою и затворивъ двери!*»

Въ 1840 году от. Веніаминовъ, въ иночествѣ Инокентій, былъ хиротонисанъ въ епископа новой епархіи, учрежденной въ колоніяхъ, съ присоединеніемъ къ ней церквей Камчатской и Охотской области. Въ слѣдующемъ году въ Ново-Архангельскѣ открылась семинарія; прочихъ училищъ въ колоніяхъ было уже восемь: 4 для ста мальчиковъ и 4 пріюта для дѣвочекъ.

Далѣе въ этой главѣ говорится объ улучшеніи быта Кадьякскихъ Алеутовъ, и къ числу этихъ улучшеній главнѣйше должно

отнести увеличеніе платы, выдаваемой имъ за промышленные мѣха. Изъ таблицы, помѣщенной въ книгѣ г. Тихменева (стр. 319 — 22), видно, что цѣны, назначенныя на нѣкоторые мѣха, въ 1836 году, превышали цѣны 1804 года, въ три и болѣе разъ; на другихъ же звѣрей, вѣроятно болѣе сохраняемымъ отъ истребленія, цѣны оставались тѣ же или понижены. Потомъ слѣдуетъ описаніе состоянія пушнаго промысла въ колоніяхъ; замѣченное уменьшеніе нѣкоторыхъ родовъ звѣрей и мѣры принятыя правленіемъ для поддержанія выгодности промысловъ. На стр. 327 помѣщена таблица съ показаніемъ числа всѣхъ родовъ звѣрей и пудовъ моржеваго зуба, китоваго уса и бобровой струи, промышленныхъ въ колоніяхъ въ продолженіи 1821 — 1842 года.

Въ заключеніе главы слѣдуетъ обзоръ колоніальнаго судостроенія и исчисленіе случаевъ гибели судовъ. О состояніи Ново-Архангельскаго Адмиралтейства авторъ говоритъ: «при отличномъ состояніи мастерскихъ и прочихъ кораблестроительныхъ приспособленій въ этомъ портѣ, иностранныя суда могли не только исправить тамъ всякое поврежденіе, но и найти все нужное». (Стр. 330).

Въ десятой главѣ описывается плаваніе семи кругосвѣтныхъ экспедицій, снаряженныхъ компаніей, и плаваніе судовъ ея въ Калифорнію, на Сандвичевы острова и въ Чили, для снабженія колоній продовольствіемъ. Здѣсь мы видимъ, въ какомъ страшномъ положеніи находились колоніи, въ случаѣ неуспѣшнаго плаванія какого-нибудь судна, и какъ мгновенно оживало все съ благополучнымъ прибытіемъ ожидаемаго продовольствія. Конецъ этой главы, какъ замѣчено уже выше, посвященъ разсказу о положеніи заселенія Россъ, въ этотъ періодъ времени, и потомъ о продажѣ его.

Глава одиннадцатая и послѣдняя заключаетъ въ себѣ описаніе состоянія компаніи въ торговомъ отношеніи, свѣдѣніе объ ея финансахъ, объясняетъ причины недостатка въ наличныхъ деньгахъ, и описываетъ средства употребленныя для улучшенія компанейскихъ дѣлъ. Изъ вѣдомости (376 стр.), о доходахъ и расходахъ компаніи, съ 1821 по 1841 г., мы между прочими весьма интересными числами находимъ, что впродолженіи этихъ 20 лѣтъ компанія пріобрѣла 15.349,905 р. $98^1/_7$ к. с. Изъ этаго выдано на акціи компаніи прибылей 2.126,257 р. $85^5/_7$ к. с. и къ 1-му январю 1841 г. капиталъ компаніи въ имуществѣ наличныхъ деньгахъ и долгахъ состоялъ изъ 1.558,586 р. $66^2/_7$ к. с.

Глава одиннадцатая заключается перечисленіемъ за этотъ періодъ времени правительственныхъ распоряженій, касающихъ компаніи, перемѣны директоровъ и членовъ совѣта и, наконецъ, возобновленіемъ привиллегій еще на 20 лѣтъ.

Въ концѣ книги помѣщены на 66-ти стр. мелкаго шрифта приложенія, заключающія въ себѣ десять, вполнѣ приведенныхъ, конвенцій съ иностранными державами, и правительственныхъ актовъ имѣющихъ, или имѣвшихъ для компаніи существенную важность. Кромѣ этаго къ книгѣ приложена весьма отчетливо сдѣланная карта, обнимающая пространство въ 105° по долготѣ и 29° по широтѣ и заключающая въ себѣ всѣ владѣнія компаніи.

Изъ этаго бѣглаго, далеко неполнаго перечня, содержанія интересной книги г. Тихменева и объема ея вь 450 страницъ, безошибочно можно заключить, что она стоила автору нѣсколькихъ лѣтъ довольно усидчиваго труда. Но не смотря на этотъ значительный объемъ, предметъ избранный г. Тихменевымъ до того обширенъ, что его невозможно было умѣстить въ такія тѣсныя рамки, безъ того, чтобы не пожертвовать множествомъ интересныхъ подробностей, небезполезныхъ для объясненія внутренней жизни компаніи и художественной полноты разсказа. По этому заботясь о полнотѣ цѣлаго авторъ не имѣлъ возможности вмѣстить въ свою книгу многія частности, возбуждающія любопытство читателя.

Отдавая полную справедливость прекрасному труду г. Тихменева, мы позволимъ себѣ представить здѣсь нѣсколько нелишенныхъ интереса подробностей о событіяхъ и, преимущественно, о наиболѣе выдающихся личностяхъ, имѣвшихъ вліяніе на ходъ дѣлъ компаніи. Всѣ эти подробности, заимствованныя нами изъ архива Россійско-Американской компаніи, были извѣстны г. Тихменеву и, какъ выше замѣчено, не могли войти въ его книгу, вѣроятно только по причинѣ ограниченнаго ея объема.

Исторія Россійско-Американской компаніи, единственной у насъ не только по своему торговому, но и политическому значенію, представляетъ предметъ чрезвычайно интересный для всякаго русскаго читателя. Основатель ея Шелиховъ, умный, энергичный и дальновидный человѣкъ, умѣлъ въ самомъ началѣ предусмотрѣть для нее заманчивую будущность и большія выгоды.

Въ оффиціальномъ основаніи своихъ дѣйствій, онъ полагалъ государственную пользу и съумѣлъ показать правительству, что онъ главнѣйше намѣренъ преслѣдовать такіе важные интересы: какъ просвѣщеніе дикихъ свѣтомъ христіанства, распространеніе

владѣній Россіи и связанныя съ этимъ матеріальныя выгоды государства и благосостояніе вновь присоединенныхъ народовъ.

Исторія постояннаго дальнѣйшаго развитія компаніи, борьба ея явная, но частію разумѣется и тайная, со многими препятствіями; нелицепріятная постановка лицомъ къ лицу оффиціальной открытой стороны съ закулисною дѣйствительностію, должна быть чрезвычайно любопытна.

Читателю увлеченному интересомъ предмета хотѣлось бы видѣть не только результаты дѣйствій этой громадной торгово-политической машины, называемой Россійско-Американскою компаніею; но и познакомиться, какъ съ главными, такъ и второстепенными ея двигателями; посмотрѣть вблизи на такія замѣчательныя личности, каковы были: Шелиховъ, Резановъ, Барановъ, Хвостовъ и т. д. Авторъ представляетъ намъ много данныхъ, по которымъ мы можемъ оцѣнить служебную дѣятельность послѣднихъ; разсказываетъ намъ кромѣ этого объ иныхъ личностяхъ столько новаго и интереснаго сколько мы не отъ кого еще не слыхали; но это-то самое до того и возбуждаетъ наше любопытство, что мы желали бы знать еще и еще болѣе. — Мы бы хотѣли видѣть личности это вполнѣ, съ ихъ достоинствами и недостатками; а у такихъ сильныхъ людей, какіе здѣсь выходятъ на сцену, тѣ и другія вѣроятно были ярче чѣмъ у людей обыкновенныхъ.

Самыя слабости такихъ личностей не всегда даже унижаютъ ихъ, потому что многое зависило отъ той среды и обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ они дѣйствовали. Знаніе этой среды и знакомство съ обстоятельствами частной ихъ жизни, объяснило бы и досказало много такого, чего мы напрасно стали бы искать въ разсказѣ объ оффиціальной дѣятельности. Не рѣдко, какая-нибудь домашняя приходо-расходная книжка, въ которой было аккуратно занесено, откуда получена и куда издержана каждая копѣйка, обрисовываетъ съ извѣстной стороны достоинство человѣка, далеко вѣрнѣе формулярнаго списка объ его службѣ и достоинствѣ.

Продолжая сравненіе между формою и дѣломъ, между *казаться* и *быть*, беремъ еще примѣръ близкій къ нашему предмету. Всѣмъ извѣстно, что иногда въ нашихъ коллегіальныхъ управленіяхъ, при оффиціальномъ равенствѣ членовъ, въ сущности всѣ подчиняются вліянію одного лица и все движется по его волѣ. Нерѣдко это вліятельное лицо даже и не членъ коллегіи, а просто какой-нибудь правитель дѣлъ или даже менѣе. Можетъ быть и въ главномъ правленіи Россійско-Американской Компаніи, кромѣ явныхъ замѣчатель-

ныхъ дѣятелей, бывали иногда такіе директоры или другіе невидныя сильныя лица, благодѣтельное или вредное вліяніе которыхъ, въ извѣстный періодъ времени, въ большей или меньшей степени, отражалось на дѣйствіяхъ Компаніи. Если это лицо обладало высокимъ умомъ, теплымъ сердцемъ, свѣдѣніями, необходимыми для компанейскаго дѣла и пр. и пр., то все это не могло не отражаться благотворно и на дѣйствіяхъ компаніи. Если же къ несчастію подобное лицо было корыстолюбиво, или лицепріятно, или, при соблюденіи выгодъ компаніи, забывало выгоды государства и самое человѣколюбіе и т. п., все это, такъ или иначе, должно было набросить нѣкоторую тѣнь и на самую компанію.

На подобные вопросы мы не всегда найдемъ у г. Тихменева удовлетворительные отвѣты и должны ограничиваться догадками, основанными на отрывочныхъ немногихъ фактахъ, приведенныхъ въ книгѣ.

Между тѣмъ въ Американской компаніи исторіи даже и на второмъ планѣ являются очень интересныя личности, къ числу которыхъ напр. можно отнести супругу Г. И. Шелихова. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, приведеннымъ авторомъ, видно, что Наталья Алексѣевна была женщина, какъ говорится, не дюженная. Не шуточное дѣло имѣть смѣлость, разумѣется при сознаніи всѣхъ предстоящихъ трудностей, отправиться съ мужемъ въ далекое и опасное путешествіе въ мало извѣстныя страны Америки и, по смерти мужа, два года управлять дѣлами компаніи и управлять съ большимъ тактомъ. Что она была такое? Просто любящее скромное существо, только покорная слуга, сначала мужа, а потомъ другихъ близкихъ къ ней лицъ, или самосостоятельно дѣйствующая, умная женщина, съ твердымъ характеромъ? Гдѣ и какое она получила воспитаніе и направленіе? Не ея ли капиталъ и вліяніе дали возможность Шелихову начать свою замѣчательную дѣятельность и т. п?

Въ одномъ мѣстѣ (на стр. 30) книги г. Тихменева упоминается мимоходомъ о графѣ Зубовѣ, именно по случаю названія Шелиховымъ острововъ въ честь Зубова, какъ благодѣтеля и покровителя. Въ Архивѣ компаніи мы видѣли письмо къ Зубову вдовы Шелиховой (отъ 1795 г. ноября 22, изъ Иркутска), въ которомъ она, какъ «по долгу чувствительнѣйшей благодарности за высокія его сіятельства милости, такъ и по особенному его патріотизму о пользахъ отечества», сообщаетъ ему между прочимъ «о хлѣбопашцахъ и мастеровыхъ пожалованныхъ компаніи предстательствомъ его сіятельства», пишетъ о посѣщеніи экспедиціею Ванкувера ком-

панейскихъ владѣній, и другія подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ компаніи, и указываетъ при этомъ на необходимость (изъ опасенія прибытія Англичанъ) опредѣленія точныхъ границъ колоніальныхъ владѣній.

Взаключеніе, этого письма похожаго болѣе на официіальное донесеніе, Шелихова, обращаясь къ Зубову съ просьбою объ одномъ дѣлѣ представленномъ въ Сенатъ, прибавляетъ «испрашиваю милостиваго отъ вашего сіятельства представительства, ваше едино слово къ Монаршему престолу простертое о сей надобности и о пользахъ каковую приноситъ компанія своею дѣятельностію усовершенствуетъ оную и доставитъ Ея Императорскаго Величества Высочайшее Монаршее благоволеніе». Это былъ Платонъ Зубовъ и содѣйствіе его для компаніи было дѣло немаловажное; разъясненіе отношеній его къ Шелихову и дѣламъ компаніи было бы очень интересно. Оффиціальный тонъ этого письма возбуждаетъ вопросъ: не были ли сношенія компаніи съ правительствомъ поручены особому завѣдыванію Зубова?

Перейдемъ теперь къ главнымъ дѣятелямъ компаніи и начнемъ съ основателя ея Григорія Ивановича Шелихова. — Сибирскій генералъ-губернаторъ Якоби пишетъ въ донесеніи къ Императрицѣ, что «изъ всего сдѣланнаго Шелиховымъ видно гораздо болѣе радѣнія о пользахъ отечества, чѣмъ о собственныхъ выгодахъ». Самъ Шелиховъ въ описаніи своего путешествія говоритъ о чувствахъ своихъ къ покореннымъ туземцамъ, и отношеніяхъ къ нимъ въ весьма идилическомъ тонѣ. О непритворной привязанности къ нему туземцевъ свидѣтельствуютъ такія фразы: «я оставилъ тамъ, пишетъ Шелиховъ, учащихся граматѣ 25 мальчиковъ, которые гораздо охотнѣе желаютъ быть съ Россіянами, нежели съ дикими ихъ отцами», или: «я могу сказать и хвалиться тѣмъ, что когда узнали они (туземцы), о моемъ отъѣздѣ, то столько о томъ печалились, какъ будто все уже теряли», и т. п. (стр. 40 и 41. Част. I. Путеш. Шелихова). А вотъ другая сторона медали, именно: письмо Баранова. отъ 20 мая 1795 г., писанное къ Шелихову и Алексѣю Евсевьевичу Полевому (кажется отцу Николая Алексѣевича Полеваго) и озаглавленное въ архивной описи: *«дерзкимъ письмомъ»*. Въ немъ Барановъ оскорбленный выговоромъ Шелихова за медленную присылку бобровъ пишетъ:

«Бобры и прочій промыслъ вѣдь не такъ, какъ въ Охотскѣ горбуша (рыба) добываются, а безъ малаго на 2,000 верстъ разтилаемся мы съ Русскими и партіею иновѣрцевъ по морю ..... одна

Колюжская дорога до Якутатъ, для иновѣрцевъ тягостна и несносна. Представьте себѣ бѣдныхъ иновѣрцевъ, ѣдущихъ туда и обратно 2,000 верстъ въ тѣсной байдаркѣ безъ помощи парусовъ, на греблѣ, и претерпѣвающихъ голодовку по недостатку на пути кормовъ, и по малоимѣнію тѣмъ берегомъ пристаней, часто и погибающихъ отъ бурливости моря. А притомъ и на непримиренныхъ берегахъ со всегдашнею опасностію отъ нападенія кровожаждущихъ тамо народовъ производить они промыселъ должны, такъ какъ они до времени сносятъ».

Далѣе на требованіе Шелихова, чтобы промышленные всѣ находящіеся у нихъ излишніе мѣха продавали только компаніи, Барановъ возражаетъ: «кто будетъ отдавать излишно изборотни прикащикамъ съ полученіемъ противъ охотскихъ цѣнъ по 50 к. на руб., а самимъ брать нужное по американскимъ, какимъ-то по нынѣ я не знаю какъ установленнымъ отъ васъ цѣнамъ; такъ какъ провіантъ 24 р. пудъ, что кажется страшно и зазорно совѣсти — жизненной то припасъ!»

«Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ бдятъ возпретить неумѣренность въ семъ важномъ для человѣка пунктѣ, и я вамъ еще съ Михаиломъ писалъ, что экспедиція-то ввела въ дѣло по показанію промышленныхъ: содрогались слыша чиновники, но и по нынѣ тѣжъ ваяжныя правила существуютъ, и промышленнымъ промѣнять излишнее свое собственное на нужное въ самой бездѣлицѣ поставляемъ зломъ и хотимъ взыскивать».

Кстати уже коснемся и другихъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой любопытной перепискѣ, объясняющей тогдашнее состояніе колоній и личности Шелихова и Баранова. На обвиненіе Шелихова въ дурномъ конторскомъ порядкѣ, Барановъ отвѣчаетъ: «конторскій порядокъ у насъ заведенъ кажется сколько здѣшнія обстоятельства и время позволяютъ довольно обстоятельный для вояжныхъ дѣлъ; но (не?) настоящей бухгалтерской, для котораго потребно много книгъ и бумаги, какъ напримѣръ надобенъ: меморіалъ-журналъ, гротъ-бухъ, кассъ-бухъ, копей-бухъ, бѣлой, памятная-росписная, расчетная домовыхъ проторій и много еще другихъ. Но на каждой годъ, прибавя еще бумаги на всегдашную всюду переписку и сношенія, потребно имѣть настоящаго бухгалтера и не одного писца, и таковая контора дорого бы по здѣшнему мѣсту и стоила, а у насъ токмо каждодневный журналъ вѣду я самъ, что случится въ который день» и пр. Далѣе слѣдуетъ описаніе самаго

незатѣйливаго записыванія и счетоводства употребляемаго Барановымъ.

Можно замѣтить, что этому письму нельзя довѣрять вполнѣ, потому что Барановъ писалъ его въ раздраженномъ состояніи; но въ подобномъ то только настроеніи онъ и могъ высказать Шелихову всѣ приведенные факты, которые видимо были списаны съ натуры *). Шелиховъ сдѣлалъ въ свою жизнь чрезвычайно много полезнаго, труды его были громадны и заслуживаютъ всякой признательности; но онъ былъ далеко не идиликъ и гуманистъ, какимъ желалъ казаться. Будь онъ дѣйствительно такимъ, мудрено бы ему было достигнуть со своей компаніей тѣхъ результатовъ, до которыхъ дошелъ онъ.

Приведемъ еще выписку изъ того же письма, въ которомъ Барановъ, оправдываясь передъ Шелиховымъ, въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ въ развратной и нетрезвой жизни, рисуетъ наивную картину тогдашняго колоніальнаго быта:

«Нѣкоторые праздничные дни посвящаемъ правда иногда мы и веселостямъ безвиннымъ, напримѣръ по вечерамъ при музыкѣ пляшемъ съ американцами паръ восемъ и шесть, танцы: казачка, контраданцiи и проч., на что любопытно смотрятъ и островитяне, потому что ихъ и единоземцы играютъ; а единоземцы (единоземицы?) обучаемы всѣмъ поворотамъ удивляютъ ихъ, а чрезъ-то музыканты наши не забываютъ своего ремесла; дѣвки пріучаются людкости; а мы чрезъ движеніе въ опасное зимнее время *отъ цынги льготу совокупно съ удовольствіемъ получаемъ;* но конечно не безъ критики было и есть потомъ».

Въ первыхъ выпискахъ мы видимъ въ Шелиховѣ купца заботившагося о барышахъ и фантазера, пригоняющаго новое дѣло въ неподходящую къ нему готовую европейскую рамку; видимъ начальника муштрующаго своего чиновника не за дѣло, а за форму и какого чиновника, Баранова, головою и руками котораго поддерживалось въ это время существованіе компаніи. Изъ второй же выписки видно, что Шелиховъ упрекая Баранова въ безнравственности, забывалъ, что тотъ жилъ и правилъ ордою полудикихъ безсемейныхъ промышленниковъ, заброшенныхъ въ грустные пустыни Америки, лишенныхъ не только всѣхъ радостей жизни, но ино-

---

*) Не разсердись Барановъ, мы бы едвали узнали отъ него что-нибуть подобное; обыкновенно онъ былъ съ начальствомъ не только на письмѣ, но даже и на словахъ очень остороженъ.

гда необходимаго пропитанія и подвергающихъ самую-то жизнь безпрерывнымъ опасностямъ для пользы его-же Шелихова.

Напротивъ Барановъ въ этомъ же письмѣ, которое довольно длинно, представляется человѣкомъ грубоватымъ, но съ добрымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ. Онъ какъ видно изъ писемъ другихъ лицъ, служилъ дѣлу компаніи, а не лицу Шелихова, и это составляло одинъ изъ важныхъ обвинительныхъ пунктовъ дѣлаемыхъ на него доносовъ.

Въ промышленныхъ и даже инородцахъ онъ видѣлъ людей, которыхъ защищалъ гдѣ было нужно и доставлялъ имъ все, что могъ, въ крайнихъ случаяхъ не жалѣя для этаго и собственныхъ своихъ денегъ.

Правда бывали обстоятельства, что тотъ же Александръ Андреевичъ провинившагося гонялъ сквозь строй китовыми усами и, — какъ свидѣтельствуютъ иные (впрочемъ его враги) случалось, что засѣкалъ до смерти, — былъ дѣйствительно далеко не аскетомъ и въ нравственномъ отношеніи; но вспомнимъ *гдѣ* онъ былъ, *когда* и *въ какихъ* обстоятельствахъ.

Однимъ изъ болѣе опасныхъ и тайныхъ враговъ Баранова въ это время былъ начальникъ Духовной Миссіи архимандритъ Іоасафъ, жившій также на Кадьякѣ и писавшій секретно къ Шелихову обвиненія въ пьянствѣ и распутной жизни промышленныхъ и самаго Баранова. Особенно горячо нападалъ онъ на вкоренившійся обычай промышленныхъ жить съ наложницами американками и нерѣдко перемѣнять ихъ. Обвиняя во всемъ Баранова, онъ говоритъ «другихъ бы т. е. русскихъ промышленниковъ можно было склонить и жениться, но г. Барановъ говоритъ: женатый де худой промышленный, а другой женившись и кредитъ весь (т. е. вѣроятно у Баранова) уже потерялъ..... Онъ (Барановъ) хотя и подписалъ на церковь также и на свиту (духовную) въ книгу 1500 руб., но мнѣ бы споснѣе было ежели-бы онъ съ меня столько взялъ да порядочнѣе распоряжался здѣсь».... Далѣе от. архимандритъ выражается такъ: «царствующая здѣсь Французская вольность заставляетъ меня много думать».

Обвинитель былъ правъ смотря на предметъ съ одной только стороны, но вообщѣ онъ обвинялъ Баранова въ томъ, чего въ то время не было ему возможности исправить, не погубивъ всего дѣла, для котораго и существовали колоніи.

Личность Резанова, зятя Шелихова, очерчена авторомъ полнѣе, нежели это сдѣлано было кѣмъ либо до него и во всемъ разсказѣ

объ немъ чувствуется симпатія, которой онъ вполнѣ заслуживалъ. Но личность Резанова до того замѣчательна, положенія, въ которыхъ находился онъ, до того выходили изъ ряда обыкновенныхъ и дѣйствія его имѣли такой общественный интересъ, что читателю, для полноты картины, а также для справедливой оцѣнки самого Резанова, и всего имъ исполненнаго и проектированнаго хотѣлось-бы имѣть еще болѣе подробностей.

Въ книгѣ г. Тихменева Резановъ является уже зятемъ Шелихова, въ милости при дворѣ, дѣйствительнымъ камергеромъ, полномочнымъ посланникомъ, однимъ словомъ, онъ выходитъ во всеоруженіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. — Но читателю хотѣлось бы знать: какъ онъ дошелъ до всего этаго; гдѣ онъ получилъ образованіе (изъ его писемъ видно, что онъ былъ серьезно, разносторонне образованъ и русскимъ языкомъ владѣлъ очень хорошо); — какъ онъ вошелъ въ семейство Шелихова и т. п. О послѣднемъ обстоятельствѣ мы можемъ даже догадываться, что едва ли тутъ была сильная, глубокая любовь. Въ одномъ письмѣ (находящемся въ дѣлѣ архива компаніи) Резановъ очень горюетъ о потери умершей супруги, какъ можно заключить по смыслу письма, и около года послѣ этаго уже сватается въ Калифорніи на одной Испанкѣ.

Не можемъ не пожалѣть еще, что авторъ, въ прекрасномъ и довольно полномъ описаніи снаряженія и плаванія первой кругосвѣтной экспедиціи, не могъ войдти въ подробный разборъ очень интересныхъ и до сихъ поръ не совсѣмъ разъясненныхъ отношеній Резанова къ командиру фрегата Надежда И. Ѳ. Крузенштерну и офицерамъ фрегата.

Въ примѣчаніи на стр. 105 г. Тихменевъ говоритъ: «Не входя въ излишнія подробности объ этой грустной эпохѣ въ исторіи русскаго мореходства, ограничился только удостовѣреніемъ, что показанія Шемелина (коммиссіонера компаніи, бывшаго на фр. Надежда и описавшаго свое путешествіе въ двухъ частяхъ, изд. 1816 г. и теперь довольно рѣдкихъ) *подтверждаются вполнѣ* всѣми имѣющимися о плаваніи первой русской кругосвѣтной экспедиціи свѣдѣніями».

Въ столкновеніяхъ Резанова съ Крузенштерномъ трудно объясняемая слабость характера Резанова подчинила его, безъ всякой существенной причины кромѣ какой-то воображаемой опасности, лицу обязанному положительной инструкціей повиноваться ему самому. Можно ли повѣрить, чтобы уполномоченный посланникъ

своего Государя и сверхъ того уполномоченный агентъ компаніи, снарядившей судно, поставленъ былъ командиромъ его почти въ положеніе плѣнника. Шемелинъ приводитъ въ своей книгѣ нѣкоторые факты доказывающіе систематическое преслѣдованіе Резанова и всевозможное противодѣйствіе пользамъ компаніи со стороны командира фрегата Надежды.

«Здѣсь я нахожу, говоритъ Шемелинъ, (часть I, стр. 147): за пристойное мѣсто объяснить о положеніи его (Резанова) въ какомъ находился онъ во время вояжа, отъ Вашингтоновыхъ острововъ до Сандвичевыхъ. Обстоятельства случившіяся въ заливѣ Таті̇о-Гое (о которыхъ да позволено будетъ мнѣ умолчать, прибавляетъ Шемелинъ), къ тому жаркій климатъ и грубая пища довели его до того, что духъ его лишился всей бодрости, послѣ того воображались ему одни только ужасы смерти и ежеминутныя о томъ опасенія (хотя не было къ тому ни малѣйшихъ причинъ). Онъ при малѣйшемъ шумѣ, стукѣ на шханцахъ, или въ капитанской каютѣ происшедшихъ, измѣнялся въ лицѣ, трепеталъ и трясся, біеніе сердца было безпрерывное. Онъ долгое время не могъ приняться за перо и трясущими руками, что либо изображать на бумагѣ. Здоровье его въ продолженіи пути до Сандвичевыхъ острововъ, сколько за неимѣніемъ свѣжей пищи, а больше отъ возмущенія душевнаго и безспокойствъ разнаго рода, такъ изнурилось и изнемогло, что мы опасались лишиться его на вѣки».

Тамъ же мы узнаемъ (Путеш. Шемелина час. I, стр. 116), что Резановъ безъ дозволенія командира не смѣлъ вымѣнивать у дикихъ, разныхъ рѣдкихъ вещей не только для себя но и для кунскамеры и т. п.

Присоединивъ къ этому вышеприведенное свидѣтельство г. Тихменева и преданія сохранившіяся между старыми моряками о продѣлкахъ, которыми изтязали Резанова, можно заключить, что самое дѣло было далеко не шуточное. Здѣсь невольно является мысль, что это обстоятельство могло имѣть нѣкоторыя вліянія на самый успѣхъ плаванія и даже можетъ быть нѣсколько отразилось и на неудачу посольства Резанова въ Японіи. Если вышеприведенныя свидѣтельства справедливы, то дѣйствія И. Ѳ. Крузенштерна въ этотъ вояжъ были какой-то необъясненной нравственной и служебной аномаліей. Послѣдующая служба его и тысячи случаевъ, какъ изъ служебныхъ, такъ и изъ частныхъ его сношеній, выказывали въ немъ всегда столько самаго высокаго благородства, честности, справедливости, благонамѣренности и особенно гуманности, что

каковы бы не были поступки его передъ Резановымъ, они не могутъ лишить его того глубокаго уваженія, которое справедливо заслужено всею его жизнею. Можетъ быть — и это мнѣніе не лишено вѣроятности, — что строгое разъясненіе дѣла сниметъ всякое подозрѣніе съ достойнаго имени И. Ѳ. Крузенштерна.

Къ числу оригинальныхъ личностей. которыми была богата служба Россійско-Американской компаніи безспорно принадлежали два друга, моряки, Хвостовъ и Давыдовъ, особенно первый. Это былъ храбрый, свѣдущій морской офицеръ, порядочно образованный, но дерзкій и въ пьяномъ видѣ (что случалось, когда была къ тому возможность) буйный до послѣдней степени. Судьба какъ будто преслѣдовала Резанова: едва избавясь отъ мученій фрегата Надежда *), онъ попалъ въ бурную жизнь нашихъ американскихъ колонистовъ, гдѣ опять по мягкости своего характера, сдѣлался свидѣтелемъ такихъ сцѣнъ, которыя возмущали его до глубины души. Чтобы съ большою ясностію показать какова была тогда жизнь въ нашихъ колоніяхъ и что за личности окружали Баранова мы рѣшаемся привести нѣсколько отрывковъ изъ секретныхъ писемъ Резанова (первое отъ 1806 г. февраля 16 къ директорамъ компаніи) въ которыхъ онъ между прочимъ говоритъ о своемъ плаваніи съ Крузенштерномъ и описываетъ свое житье въ Ново-Архангельскѣ осенью 1805 года.

«Довѣренность ваша налагаетъ на меня самый прискорбный долгъ объяснить вамъ разстройство края, происходящее отъ невоздержнаго поведенія и буйства офицеровъ принятыхъ компаніею въ службу, для пользы ея, но единый вредъ и убытки доставляющихъ. Я писалъ вамъ многіе на кораблѣ Надеждѣ во вредъ компаніи

---

*) Вотъ что пишетъ еще объ этомъ бывшій въ тѣхъ мѣстахъ и лично знавшій Резанова, баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, интересными записками котораго, мы имѣли случай пользоватся, благодаря обязательному вниманію сына автора ген.-маіор. Веч. Влад. «Исторія Резанова, пишетъ Б. Штейнгель, слишкомъ замѣчательна, чтобы пройдти ее молчаніемъ, даже при самой намѣренной краткости разсказа. Онъ такъ много претерпѣлъ во время пути до Камчатки, что по приходѣ въ Авачинскую губу, вышедъ на шханцы (мѣсто на верхней палубѣ), въ первый разъ послѣ шестимѣсячнаго затворничества, во всей своей каммергерской формѣ, онъ перекрестился и громко скалалъ: «*Благодарю Бога, наконецъ я подъ защитою законовъ отечества*! Съѣхавъ на берегъ, онъ тотчасъ же отправилъ гонца въ Нижне-камчатскъ (къ коменданту ген.-маіору Кошелеву), требуя вооруженной помощи и аудитора для составленія военной коммиссіи». Кошелевъ, говоритъ далѣе Б. Штейнгель, успѣлъ по просьбѣ Крузенштерна помирить его съ Резановымъ.

случившіяся происшествія неблагодарность къ щедрымъ наградамъ оной, ругательства и презрѣніе коммерческаго состоянія до того, что прикащиковъ вашихъ хотѣли судить помимо уполномоченнаго, хотѣли сѣчь кошками и тому подобное. Къ убѣжденію васъ въ истиннѣ словъ моихъ, доставилъ я вамъ многія бумаги въ подлинныхъ актахъ *), но къ сожаленію моему одни счастливые успѣхи въ плаваніи нашемъ (съ Крузенштерномъ) очаровали до того, вѣроятно правленіе компаніи или можетъ быть морское начальство что существенная польза отъ самаго плаванія ожидаема уступить должна была силѣ благополучныхъ вѣтровъ, отвлекавшихъ тѣхъ людей отъ наблюденія нравственности, защиты купеческаго класса, видовъ повиновенія начальству, поощренія къ дальнѣйшимъ подвигамъ и словомъ всего того, что имъ въ особливомъ уваженіи имѣть бы предлежало; коротко: я же сдѣлался въ глазахъ ихъ виноватымъ и за все безкорыстіе, труды и пожертвованія мои заплачено такъ, какъ не ожидалъ я... Увидя прекрасный судъ сей я тотчасъ оставилъ пользы компаніи произволу судебъ и во второй приходъ мой въ Комчатку ни во что уже не вмѣшивался. При всѣхъ сихъ огорченіяхъ не забылъ я однакожъ, милостивые государи мои, вѣрноподданнической обязанности моей въ обозрѣніи Американскихъ областей Высочайше мнѣ порученномъ и кажется тогда не потерялся». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «можетъ быть Французская пословица les absents ont toujours tort будетъ надо мной имѣть силу, но я Русакъ и держусь той; коли не людямъ, такъ Богу въ честь будетъ трудъ мой.» Далѣе, описывая морскихъ офицеровъ и корабельныхъ подмастерьевъ, состоящихъ на службѣ компаніи, Резановъ переходитъ къ Хвостову. «Объясняя вамъ многіе характеры приступлю теперь къ прискорбному для меня описанію г. Хвостова, главнаго дѣйствующаго лица въ шалостяхъ и вредѣ общественномъ и столько же полезнаго и любезнаго человѣка, когда въ настоящихъ онъ правилахъ (т. е. когда трезвъ). Бывъ свидѣтелемъ морскаго искусства его и рѣшимости» (Резановъ ходилъ на суднѣ, которымъ командовалъ Хвостовъ) и видя на все готовность писалъ съ Уналашки похвалу объ немъ Государю.» Описывая далѣе неудавшуюся попытку Хвостова старавшагося угодливостію ему (Резанову) отстранить отъ него всѣхъ другихъ служащихъ, съ тѣмъ, чтобы пользоваться одному его довѣренностію, Резановъ говоритъ объ

*) Письма, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Резановъ и этихъ актовъ мы невидали.

уклончивомъ отвѣтѣ Баранова относительно зимовки Хвостова въ прошедшемъ году на Кадьякѣ и болѣе откровенномъ объ немъ отзывѣ другихъ лицъ. Наконецъ упомянувъ о грубыхъ отвѣтахъ Хвостова на дѣлаемыя ему замѣчанія Резановъ продолжаетъ: «но 15 сентября огласились они (заблужденія Хвостова) не ожиданнымъ буйствомъ. Праздвуя день коронаціи, всѣ мы обѣдали у правителя, рюмка лишняя за столомъ ими выпитая заставила меня тотчасъ послѣ обѣда удалиться, чтобъ не препятствовать веселостямъ ихъ. Но въ пять часовъ услышалъ уже я шумъ необыкновенный и укоризны правителю прежняго его купеческаго званія. Къ прекращенію буйства позвалъ я правителя къ себѣ и слабый силами старикъ слишкомъ веселъ былъ, чтобы примѣтить къ чему дѣло клонилось. Не выпущая его услышалъ я тоже подъ окошками на счетъ мой отъ всѣхъ офицеровъ кричавшихъ что онъ за вельможа, ему ли здѣсь вводить новые порядки? Мы люди вольные, не хотимъ служить, назадъ идемъ.... Я принужденъ былъ выйдти и сказать, чтобы шли они съ крѣпости по квартирамъ, иначе худо будетъ..... На другой день позвалъ я ихъ къ себѣ по одиночкѣ, увѣщевая какой они изъ себя позоръ дѣлаютъ и какое мерзское вліяніе производятъ на ромышленныхъ , которые единымъ страхомъ обузданы быть должны. Г. Хвостовъ вмѣсто извиненія сказалъ мнѣ на единѣ тысячи грубостей, угрожая своими случаями (т. е. протекціею) и наконецъ имѣлъ дерзость подтвердить мнѣ, что всю должность мою знаетъ, что это въ Камчаткѣ уже рѣшено и что я занимаюсь лишь вздорами..... 6 октября живущіе у меня объ стѣну корабельные подмастерья бывъ у него (Хвостова) на Юнонѣ до того изъ ума выпились, что ночью слѣпили между собою драку, кричали караулъ и когда вбѣжалъ я къ нимъ на помощь, то увидѣлъ Корюкина бьющаго Попова на смерть, я бросился отнимать; а онъ схватилъ пару заряженныхъ пистолетъ хотѣлъ меня застрѣлить и Баранова на крикъ прибѣжавшаго.» Потомъ Хвостовъ завелъ съ Барановымъ ссору и продолжалъ дерзости. «Чтобы не остался онъ зимовать на Кадьякѣ и не оголилъ тамъ всѣхъ (т. е. не оставилъ бы безъ провизіи) дѣлалъ я, пишетъ Резановъ, поневолѣ ему угожденія и наконецъ кротостію успѣлъ привесть его въ порядокъ. Я умалчиваю здѣсь о мелочныхъ происшествіяхъ по коимъ всегда доставляли ему удовольствіе, напр. жалуется на правителя, что не даетъ бѣлаго сахару, но песокъ сахарный, и что (сахаръ) бережетъ для себя. Напротивъ: берегли для Калифорніи 2 головы и одну ему отдали.

Проситъ муки крупитчатой, ее только для всѣхъ три пуда; даютъ ему половину» и т. п. Одинъ разъ Резановъ по службѣ потребовалъ Хвостова съ его судна къ себѣ, — тотъ отвѣтилъ: ноги болятъ!

«При всемъ недостаткѣ въ людяхъ на берегу, своихъ (Хвостовъ) съ судна не спущаетъ и всѣ возможныя дѣлаетъ прискорбія остановкою работъ самыхъ нужныхъ. Между тѣмъ пьянство нимало не прекращается, ругательства и угрозы всѣмъ неимовѣрные, стрѣляютъ ночью изъ пушекъ, на верфи за пьянствомъ корабельныхъ подмастерьевъ работы идутъ медленно, матросы пьютъ и т. п.»

«Словомъ, неистовство въ высшей степени.... Давыдовъ бывъ всегда трезваго поведенія всякій день у меня (Резанова) былъ и дивился моей умѣренности.» Пьяный Хвостовъ всякую ночь снимается съ якоря; но какъ матросы тоже пьяны, то къ счастію не могутъ исполнять его распоряженій. Все это разыгрывается тѣмъ, что Хвостовъ зазвавъ къ себѣ на обѣдъ помощника Баранова, Кускова, и еще однаго изъ служащихъ, Слободчикова, съ своими гостями прибилъ ихъ до полусмерти, такъ что послѣдній вырвавшись изъ каюты бросился въ воду и спасенъ былъ подъѣхавшею байдаркою. «Онъ звалъ и Баранова, прибавляетъ наивно Резановъ, но ежели бы случилось тоже съ правителемъ, который и безъ того изувѣченъ, то онъ вѣрно бы умеръ». Вслѣдствіе подобныхъ продѣлокъ Барановъ, Кусковъ, всѣ компанейскіе прикащики и пр. подали просьбу объ увольненіи отъ службы, отказываясь при этомъ и отъ жалованья, и Резановъ, чтобы остановить ихъ вынужденъ былъ объявить Баранову Именное повелѣніе остаться на службѣ до отвѣта директоровъ. Наконецъ исамый Хвостовъ угомонился, притихъ и принялся за дѣло. Послѣ этихъ тяжелыхъ сценъ, разыгрывающихъ передъ Резановымъ взглянемъ какъ отразились онѣ въ его благородной душѣ. Вотъ что говоритъ онъ въ концѣ своего письма: «Господа легкосуды можетъ быть будутъ меня же обвинять слабостію, но я желалъ бы видѣть ихъ въ моемъ положеніи, когда заѣхавъ въ самый тупикъ умирать всѣмъ съ голоду (т. е. обстоятельства дѣлали неизбѣжнымъ выборъ одного изъ двухъ: или накажи, какъ слѣдуетъ, Хвостова и подобныхъ ему и затѣмъ умирай съ голоду или, желая пользоваться ихъ службою, для избавленія колоній отъ голодной смерти, терпи ихъ буйные продѣлки). Обузданіе строгостію есть дѣло не мудреное, продолжаетъ Резановъ, но здѣсь начальнику должно уважать послѣдствія. Дорого конечно стоятъ мнѣ дурачества ихъ (т. е. служа-

щихъ), но ограждаясь терпѣливостію по малой мѣрѣ дошелъ я до мѣты своей и дѣлаю въ свое время тѣ экспедиціи, которыя къ благоденствію областей путь кажутъ, спасаютъ ближнихъ отъ смерти и съ симъ вмѣстѣ и погрѣшившимъ даютъ къ исправленію и заслугамъ способы. Иначе долженъ бы я былъ бросить край на произволъ судебъ—возвратиться въ Россію и выслать виновныхъ къ суду закононъ, которые не всегда позволяютъ быть къ ближнему столько снисходительну, какъ желается, и слѣдовательно всякій постыдный приговоръ былъ бы приговоръ смерти для чувствительныхъ родителей. Сберегая ихъ вооружился я тѣмъ терпѣніемъ, котораго едва бы и у нихъ самихъ быть могло, и одержанная съ пользою ближняго надъ самимъ собою побѣда уже слишкомъ заплатила мнѣ всѣ прискорбія. Утѣшаясь ею, готовъ слышать всѣ насмѣшки.»...

Дивная сердечная теплота, которою дышетъ каждое слово приведенной тирады, сопоставленная рядомъ съ дикими, «неистовыми», поступками окружавшихъ его личностей, выказывается еще съ большою яркостію. Эта выписка позволяетъ сдѣлать довольно вѣроятное заключеніе о тѣхъ высоко-гуманныхъ идеяхъ, которыми проникнуто было воспитаніе Резанова. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ непосредственно приложенныхъ къ дѣлу вѣетъ что-то чуждое тогдашнему воспитанію нашихъ баричей. Правда тогда было въ модѣ обо всемъ подобномъ поговорить при такъ называемомъ хорошемъ воспитаніи, все это иногда повторялось людьми большаго свѣта и въ зрѣломъ возрастѣ, но ограничивалось обыкновенно пріятными фразами въ гостинной, не проникая нисколько въ дѣйствительную жизнь, какъ это было у Резанова *).

Прибавимъ, также изъ секретнаго письма, еще одну замѣчательную для того времени черту прекрасной личности Резанова: «представляя вамъ, милостивые посудари мои (обращеніе къ дирек-

*) Чтобы быть справедливыми, приведемъ здѣсь фактъ упоминаемый В. М Головнинымъ и обвиняющій Резанова. «Стыдно сказать, а должно, пишетъ Головнинъ: Резановъ хотѣлъ еще плѣнныхъ Японцевъ селить въ Америкѣ и употреблять на компанейскія работы; онъ для поселенія ихъ и островъ уже избралъ и назвалъ его Японскимъ островомъ, который и по сіе время между Русскими промышленными сіе имя носитъ». (Матер. для Ист. Русск. заселеній и проч. Выпускъ 1, стр. 97). Не сомнѣваясь въ справедливости факта, мы можемъ оправдать Резанова только тѣмъ, что онъ не ожидалъ печальныхъ для Японцевъ результатовъ предполагаемаго ихъ поселенія; а скорѣе въ исполненіи своихъ проектовъ предвидя для колоній золотой вѣкъ, онъ думалъ этимъ осчастливить новыхъ переселенцевъ.

торамъ компаніи), всѣ способы къ возведенію компаніи на степень величія, предлежать вамъ будетъ теперь соотвѣтственно тому учрежденію совѣта компаніи и преобразованіе ея директоріи, а еще болѣе снабженіе края сего и всѣхъ предполагаемыхъ мѣстъ достойнымъ начальствомъ. Званіе главнаго правителя или губернатора областей вашихъ требуетъ заблаговременно помыслить о немъ.»

«Лѣта Александра Андреевича (Баранова) и болѣзни его не могутъ польстить васъ долговременнымъ его управленіемъ, когда сверхъ того неотступно проситъ онъ увольненія. Впрочемъ по важности новыхъ и столь многихъ предметовъ долженъ быть здѣсь человѣкъ не столь старыхъ лѣтъ, но помоложе, съ свѣдѣніями, дѣятельный, славолюбивый, предпріимчивый, трезвый (качество по тому времени не маловажное), добронравный и наконецъ и въ хозяйствѣ собственное удовольствіе находящій. Знаю, что въ пріискѣ такого человѣка будетъ затрудненіе, но, *не въ пятикласныхъ чинахъ* искать его надобно, гдѣ часто и коронное правительство проходя нашей братьи списокъ ищетъ въ губернаторы и не нашедъ отставными замѣщается. Можетъ быть скорѣе сыщете вы изъ маленькихъ чиновъ или изъ нечиновныхъ добраго человѣка, а постановя въ штатахъ за урядъ классъ будетъ лестная для него карьера и тогда достоинства его конечно все принадлежащее посту его уваженіе удержатъ; но главное, милостивые государи мои изъ нихъ полагайте въ доброй нравственности, поколику она на всю массу людей вліяніе имѣть должна. Нужны въ немъ склонность къ наукамъ и человѣколюбію, тогда и въ успѣхѣ училищъ и въ порядкѣ больницъ удостовѣрену быть можно. Въ отношеніи къ религіи столько же фанатикъ, какъ и вольнодумецъ вредны здѣсь. Я совѣтовалъ бы обратиться съ выборомъ на людей *изъ Московскаго университета* вышедшихъ. Воспитанники изъ сего училища ему честь дѣлаютъ и сколько ни имѣлъ я изъ нихъ подъ начальствомъ (а очень любопытно бы знать гдѣ и чѣмъ онъ начальствовалъ и вообще всю его предшествующую службу) всегда находилъ людей дѣятельныхъ, благонравныхъ и съ познаніями, ежели сыщется изъ нихъ энтузіастъ къ славѣ то край и счастливъ.»

Изъ книги г. Тихменева, въ которой подробно изложены всѣ дѣйствія Резанова на пользу компаніи видно, что онъ въ своихъ обширныхъ планахъ, (правда часто фантастическихъ и для того времени не исполнимыхъ) высказывалъ такія мысли изъ которыхъ иныя и теперь не могутъ еще осуществиться.

Въ противоположность этой благородной личности представимъ другую: начальника Охотскаго порта, капитана 2 ранга, Ивана Николаевича Бухарина, особу имѣвшую сильное вліяніе на ходъ дѣлъ компаніи, по своему положенію, начальника единственнаго порта, чрезъ который происходило сообщеніе съ колоніями и также по своимъ страшнымъ злоупотребленіямъ и ловкости, съ которою онъ умѣлъ долго отдѣлываться отъ всѣхъ обвиненій. Кромѣ многихъ его отвратительныхъ дѣяній, онъ замѣчателенъ арестованіомъ Хвостова и Давыдова, по возвращеніи ихъ изъ Японіи. Это онъ сдѣлалъ отнюдь не изъзаконныхъ опасеній видѣть въ нихъ корсаровъ самовольно грабящихъ дружественное государство, но затѣмъ, чтобы самому ограбить ихъ. Давыдовъ въ маленькой записочкѣ къ Баранову, (сохранившейся въ дѣлахъ архива Р. А. К.), писанной 1807 г. августа 14, изъ Охотска, «на квартирѣ подъ политическимъ арестомъ», выражается такъ: «Люди и всѣ мы подъ карауломъ, для того только, чтобы компанія принуждалась нанимать по неимѣнію людей для всѣхъ работъ Бухаринскихъ гребцовъ. Гдѣ видано, чтобы одиннадцать человѣкъ могли выработать въ 6 или въ 7 часовъ *пятьсотъ* рублей? Я нарочно написалъ прописью, чтобы вы не подумали будто я ошибся, однако сіе было въ Охотскѣ и компанія заплатила сіи 500 р. Бухаринскимъ гребцамъ за выгрузку нѣсколькихъ тюковъ съ Маріи... Бухаринъ нашелъ выгоды продержать столько времени, ибо ему перевалилось зато въ карманъ по крайней мѣрѣ 6000 или 7000. Онъ есть здѣсь правитель Охотской компанейской конторы ибо безъ него никакая бездѣлица не дѣлается».

Дѣйствительно, изъ дѣлъ архива, мы могли удостовѣриться въ справедливости словъ Давыдова: правитель компанейской конторы Петровъ былъ покорнѣйшимъ слугою Бухарина и участникомъ въ его продѣлкахъ.

При арестѣ Хвостова и Давыдова лучшія привезенныя ими Японскія вещи Бухаринъ захватилъ себѣ, подъ видомъ отправленія ихъ къ кому-то въ Петербургъ. Долго объ этихъ несчастныхъ вещахъ шла переписка компанія ни могла отобрать ихъ отъ Бухарина только по его смѣнѣ. Самая смѣна эта показываетъ хорошо какъ смотрѣло даже начальство на Бухарина. Вотъ что говорится въ запискѣ правителя Охотской конторы Шемелина (отъ 20 мая 1808 г.) о смѣнѣ Бухарина: «Вопль раззоренныхъ, обидимыхъ отъ него достигъ наконецъ уваженія правительства, столь долго ему терпимаго, сіи повелѣнія послѣдовали не изъ С. Петер-

бурга, но отъ Сибирскаго генералъ-губернатора г. Пестеля. Г. Г. какъ будто предчувствуя, что Бухаринъ не приметъ его повелѣнія и не станетъ повиноваться коммиссіи надъ нимъ опредѣленной если не будутъ вдругъ и нечаянно отняты у него возможности тому противиться. А потому въ инструкціи*) предписано, чтобы пока коммиссія не отправится изъ Якутска, то никто бы прежде ея въ Охотскѣ изъ партикулярныхъ людей отпущенъ не былъ, дабы чрезъ-то преждевременно не дано было знать о томъ Бухарину, могущему взять мѣры воспротивиться и не допустить взять у него команду (каковы предосторожности? Замѣтимъ при этомъ, что самого Пестеля трепеталъ весь край). Новый начальникъ Бабаевъ и коммиссія должны всемѣрно спѣшить къ своему предмету и въ Охотскъ въѣхать въ ночное время, когда Бухаринъ будетъ покоиться крѣпкимъ сномъ. И ежели сіе удачно будетъ произведено то собравъ офицеровъ воинской команды объявить имъ повелѣніе о смѣнѣ Бухарина и потомъ идти къ нему въ домъ, взять его подъ стражу, описать всѣ, какъ собственныя такъ и домовой канцеляріи его бумаги и тожъ учинить съ имѣніемъ. Вотъ каковъ конецъ будетъ властвованію чрезвычайнаго Бухарина».

Далѣе находящаяся въ дѣлахъ записка безъ адреса, подписи и числа, полученная 31 декабря 1808 г., сообщаетъ радостную вѣсть о совершившейся смѣнѣ Бухарина. «О низверженіи Охотскаго сатаны увѣдомляю васъ, милостивый государь, что безкорыстный и добрый человѣкъ Денисъ Ивановичъ (Бабаевъ) умѣючи его смѣнилъ. Онъ по поѣздѣ его къ предѣламъ Охотска переправился чрезъ рѣку Охоту пришелъ на урочище Бургинъ, гдѣ лазаретъ и вмѣстѣ въ бывшимъ тутъ лекаремъ Родецкимъ пріѣхалъ въ 12

---

*) Замѣчательно, что эту инструкцію писалъ тотъ же бар. Штейнгель, въ запискахъ котораго мы находимъ слѣдующее: «Одинъ разъ войдя въ кабинетъ губернатора (Иркутскаго, Трескина) засталъ я у него Градскаго голову. А! кстати! сказалъ губернаторъ, а мы съ Мих. Иван. только что говорили о твоемъ пріятелѣ. (Бухар. и бар. Штенгелю надѣлалъ непріятностей). О какомъ пріятелѣ В. Пр.? Ну о Бухаринѣ. Вотъ Мих. Иван. говоритъ, что купцы боятся ѣхать въ Охотскъ. Но что съ этимъ дѣлать? Мы съ Иван. Борис. (Пестель ген.-губерн.) рѣшились бы смѣнить его, да онъ пожалуй еще окажетъ непослушаніе и острамитъ насъ! помилуйте, отвѣчалъ я, можно недопустить его до возможности ослушаться. — Право? сказалъ губернаторъ: съ полунасмѣшливымъ удивленіемъ и присовокупилъ: впрочемъ это мы только такъ говоримъ; а я бы желалъ, чтобы ты накидалъ свои мысли; какъ бы ты думалъ его смѣнить. — На другой же день губернаторъ имѣлъ въ рукахъ своихъ удовлетворительный проектъ».

часовъ ночи къ бывшему въ Охотскѣ въ должности ротнаго начальника поручику Роде, объявилъ ему повелѣніе, пошелъ на гаубвахту отдалъ тутъ приказъ, со всѣхъ постовъ смѣнилъ караульныхъ, потомъ пошелъ въ домъ Бухарина, силою вошли въ покои, стучались долго и наконецъ лекарь подошедши закричалъ вставайте Иванъ Николаевичъ къ вамъ пришелъ смѣнщикъ! Онъ вскочилъ и отперъ двери у своей спальни... онъ какъ примѣтно было церемонію смѣны считалъ за шутку, но на послѣдокъ когда стали продавать его пушные (т. е. мѣховые товары), сознался, что съ нимъ не шутятъ и наконецъ остался печальнымъ зрителемъ судьбы своей.» Этотъ списанный съ натуры небольшой эпизодъ изъ жизни Бухарина показываетъ какъ смотрѣли на него современники и самое начальство, и какое онъ могъ имѣть вліяніе на дѣла компаніи бывши полномочнымъ владыкою Охотска.

Чтобы дать понятіе отомъ, какія разнообразныя личности были въ числѣ дѣятелей Россійско-Американской компаніи, остановимся еще на «докторѣ медицины и натуральной исторіи», Егорѣ Николаевичѣ Шефферѣ. Всѣ его дѣйствія, со времени поступленія на службу компаніи и до окончательнаго прощанія съ нею, прекрасно и весьма подробно изложены въ книгѣ г. Тихменева. Здѣсь мы для лучшаго ознакомленія съ Шефферомъ, скажемъ нѣсколько словъ объ его службѣ *до поступленія* въ компанію и дѣяніяхъ *по выходѣ* изъ нея.

Изъ дѣлъ компанейскаго архива видно, что этотъ замѣчательный авантюристъ вступилъ по контракту въ Русскую службу въ 1808 году и въ 1809 помѣщенъ при Московской полиціи. Одинъ тогдашній Московскій житель разсказывалъ, что передъ вступленіемъ Французовъ въ Москву, Шефферъ, случайно съ нимъ познакомившійся, водилъ его смотрѣть на дѣлавшійся секретно за городомъ воздушный шаръ присланными изъ Германіи мастеровыми, при которыхъ Шефферъ состоялъ въ должности врача. Въ Москвѣ тогда много говорили о важномъ военномъ значеніи этого шара и ожидаемыхъ отъ него успѣхахъ.

Въ 1812 г. Шефферъ оставилъ службу при полиціи и на слѣдующій годъ отправился въ званіи лекаря на компанейскомъ кораблѣ «Суворовъ», подъ командою Лазарева. Здѣсь онъ поссорился съ офицерами и «*какъ лице нетерпимое на суднѣ* былъ оставленъ на берегу въ колоніяхъ, откуда и былъ посланъ на Сандвичевы острова. Убѣжавъ оттуда, въ Кантонѣ онъ забралъ на счетъ компаніи болѣе 5,000 руб., ас. потомъ прибывъ въ Гельсинорѣ взялъ еще 1,500 руб. Отсюда отправился въ Берлинъ для личнаго докла-

да Государю Императору о своихъ дѣйствіяхъ на Сандвичевыхъ островахъ. Исполнилъ-ли онъ это неизвѣстно, кажется нѣтъ; а извѣстно, что выпросивъ у компаніи для скорѣйшаго возвращенія въ Петербургъ еще 1100 руб. онъ переѣхалъ въ Ригу, и оттуда писалъ директорамъ, что здѣсь онъ будетъ полезнѣе для компаніи нежели въ Петербургѣ. Компанія, не имѣя въ Ригѣ никакихъ дѣлъ, разумѣется не могла согласиться съ этимъ и просила генералъ-губернатора скорѣе выслать его въ Петербургъ. По пріѣздѣ сюда онъ явился въ правленіе компаніи, только послѣ переписки и побужденіи его къ этому полиціею. Послѣ всѣхъ подобныхъ продѣлокъ Шефферъ до того ловко съумѣлъ обдѣлать свои дѣла, что компанія не смотря на огромный убытокъ понесенный отъ его самовольныхъ дѣйствій, чтобы только отвязаться отъ него, удовлетворила всѣ его личныя денежныя претензіи. Служа столько времени въ Россіи Шефферъ плохо зналъ Русскій языкъ. Приводимъ съ буквальною точностію любопытное возваніе его къ своимъ подчиненнымъ на Сандвичевыхъ островахъ, относящееся къ тому времени когда положеніе его тамъ было безнадежно.

«Брати! и послетная надежда кмирномъ образомъ решится изъ атувайскими распойниками подерана. Намъ преказано чрезъ судки иттить прочь отъ селъ, а после оной время хотятъ атаковать наши кревни судовъ и наше братъ и откашутъ всякая провизія. Даже всякой другой барварски и распойнически примѣри могу вчуствовать зъ нашимъ судномъ М. Кадьякъ такая есть, что оно въ море иттитъ не можетъ, и я намеренъ, етимъ индеицамъ етимъ распойникамъ показатъ, что русская честъ не такъ Дежевло продаетъся что не здѣлайтся игрушка зъ рускимъ флаггъ и именомъ нашего великаго государа, а я осовно желайю показатъ этимъ барварамъ, что я заслушу, бунтъ рускимъ стаб-офицеромъ кто изъ васъ согласенъ со мною шитъ, кужитъ, тратся, холоду терпѣтъ и честъ и погатства засоушитъ кричи урра урра бунти вѣрни, что я всегда пуду свами и пиротъ а черезъ коротки время Дожитайю силу болжая изъ ситки отъ нашего оца александра андреича (на подлинномъ подписано) Егоръ Шефферъ. Всѣ обще были согласни выключай вши степанъ лихачевъ».

ганарай июня 1-го Дня 1817 года.

Невольно улыбаясь при чтеніи искаженныхъ словъ, смыслъ которыхъ однако легко понять, нельзя обвинить это воззваніе въ недостаткѣ энергіи.

Впослѣдствіи Шефферъ изъ Россіи отправился въ Бразилію, съумѣлъ пріобрѣсти довѣренность Бразильскаго Императора, получилъ титулъ Графа Франкентальскаго (?) и даже посланъ былъ съ порядочною суммою денегъ для набора въ Европѣ солдатъ въ Бразильскую Императорскую гвардію, для которой онъ и забралъ въ Гамбургѣ всѣхъ бродягъ.

Не можемъ не упомянуть, что въ дѣлѣ о Шефферѣ (находящемся въ архивѣ Р. А. К.) особенное вниманіе заслуживаетъ инструкція данная Барановымъ Шефферу при отправленіи его на Сандвичевы острова. *)

Въ этомъ документѣ Барановъ является такимъ ловкимъ политикомъ и выказываетъ такой тактъ, который даетъ весьма высокое понятіе объ его умѣ и способностяхъ. Тема этой инструкціи приведена въ жизнеописаніи Баранова (С.Петерб. 1835 г. Стр. 161. Соч. Хлѣбникова); но въ этомъ извлеченіи потерянъ весь колоритъ замѣчательной бумаги.

Каждая изъ перечисленныхъ нами личностей имѣла свой кругъ дѣйствій и всѣ они были въ извѣстный періодъ времени, одними изъ главнѣйшихъ двигателей (или препятствій какъ былъ Бухаринъ) компанейскихъ дѣлъ.

Мы позволили себѣ привести здѣсь о нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ подробности довольно не красивыя и сдѣлали это собственно для того, что они много бросаютъ свѣта на общій ходъ дѣлъ компаніи

На сценѣ общественной, также какъ и на театральной — закулисами актеры превращаются въ обыкновенныхъ людей, съ которыми мы преимущественно и желали познакомить читателей нашими выписками извлеченными из подлинныхъ современныхъ документовъ.

Обращаясь къ труду г. Тихменева, укажемъ на нѣкоторыя слабыя стороны, которыя можно поставить въ вину автору.

Историческое обозрѣніе дѣйствій Россійско - Американской компаніи, много тѣряетъ своего интереса отъ неимѣнія въ самомъ началѣ статистическо - географическаго описанія края. Подобное описаніе, даже самое краткое, поставила бы читателя на твердую почву и разсказъ о событіяхъ, пріуроченный уже къ извѣстной мѣстности, пріобрѣлъ бы болѣе живости и ясности.

---

*) Мы надѣемся въ скоромъ времени увидѣть въ печати полную біографію Шеффера, надъ которою трудится теперь А. В. Фрейгангъ, писатель-морякъ извѣстный многими прекрасными статьями помѣщаемыми въ Морск. Сборн.

Напримѣръ, одно такое замѣчаніе, что въ Ситхѣ среднимъ числомъ изъ *семи* дней бываетъ *пять* дождливыхъ, или что на Алеутскихъ островахъ (по свидѣтельству И. Веніаминова) совершенно безоблачныхъ дней въ году бываетъ, отъ 4 до 12; а ясныхъ отъ 30 до 60 и что на нихъ въ продолженіи *всего года* царствуетъ вѣчная осень, придало бы всему происходящему въ подобной мѣстности особый колоритъ и заставило бы содрогнуться даже жителя Петербургскаго климата.

Нѣкоторыя иногда значительныя событія или лица являются въ книгѣ г. Тихменева неожиданно, безъ предварительнаго разъясненія причинъ и хода дѣлъ имъ предшествовавшаго и также читатель не всегда достаточно ознакомленъ съ дальнѣйшими результатами совершившихся событій.

Вообще въ сочиненіи мало говорится о жизни промышленниковъ, креоловъ и туземцевъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Не выставлены въ полномъ свѣтѣ злоупотребленія, въ которыхъ обвинялась компанія нѣкоторыми лицами и, особенно, что авторъ рѣшительно не воспользовался важными источниками находящимися въ нѣкоторыхъ выпускахъ «матеріаловъ для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ восточнаго океана». (Четыре книжки изданы въ видѣ приложеній къ Морскому Сборнику; объемъ до 700 страницъ). Въ нихъ особенно замѣчательны «Записки К. Хлѣбникова о Америкѣ» и записки капитана 2-го ранга Головнина, въ которыхъ находятся вопіющія обвиненія противъ компаніи.

Все это и особенно выходъ книги въ такое время, когда рѣшается жизненный для Россійско-Американской компаніи вопросъ о продолженіи дарованныхъ ей привиллегій, заставило смотрѣть нѣкоторыя изъ нашихъ періодическихъ изданій, на сочиненіе г. Тихменева, какъ на панегирикъ компаніи и это обвиненіе весьма важное.

Получивъ разрѣшеніе разсматривать въ архивѣ компаніи всѣ дѣла, относящіяся къ періоду времени обнимаемому книгою г. Тихменева, не исключая даже и секретныхъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше выписокъ, мы имѣли возможность сличать нѣкоторыя части сочиненія г. Тихменева, съ матеріалами изъ которыхъ они заимствованы. При этой повѣркѣ, намъ ни разу не случалось встрѣтить какого-либо умышленнаго искаженія событій въ пользу компаніи, и потому мы съ увѣренностію можемъ сказать, что факты и числа, взятые изъ архива и приведенные г. Тихменевымъ, дѣйствительно вѣрны съ оффиціальными источниками. Прекрасные

матеріалы приложенные при Морскомъ Сборникѣ, до изданія ихъ въ свѣтъ, были недоступны автору и явились въ печать уже по представленіи его рукописи въ цензуру. Копій съ замѣчательныхъ записокъ В. М. Головнина въ архивѣ компаніи небыло, такъ же какъ и записокъ Хлѣбникова. Судьба этихъ записокъ довольно замѣчательна, они находились въ главномъ управленіи компаніи, оттуда перешли къ наслѣдникамъ Прокофьева, бывшаго директора компаніи, и отъ нихъ къ букинисту на толкучій рынокъ, гдѣ и были куплены за бездѣлицу извѣстнымъ нашимъ писателемъ по морской исторіи А. П. Соколовымъ. По смерти его, эти записки хранились съ его бумагами и теперь изданы, но, какъ намъ кажется, еще невполнѣ.

Всѣ другія обвиненія въ различныхъ недостаткахъ книги г. Тихменева, въ неимѣніи въ ней того и другаго, въ недосказанности многаго и, наконецъ, обвиненія въ панегирикѣ компаніи, могутъ объясниться слѣдующимъ образомъ:

Авторъ, какъ мы имѣли случай замѣтить въ началѣ, назначилъ для своего труда раму, весьма тѣсную сравнительно съ громадностію предмета и съ значительнымъ періодомъ времени. Поставленный въ необходимость прослѣдить всю нить событій и коснуться хотя главнѣйшихъ прикосновенныхъ къ нимъ фактовъ и лицъ, онъ долженъ былъ неизбѣжно въ основаніи своего труда положить оффиціальную, наружную, жизнь компаніи. Прибавилъ онъ къ этому многое, но это многое не могло удовлетворить читателя требующаго отъ книги г. Тихменева *полной исторіи компаніи*, которой онъ никогда не обѣщалъ и самъ не думалъ видѣть въ своемъ трудѣ.

Изъ не многихъ выписокъ вышеприведенныхъ нами, можно видѣть, что г. Тихменевъ обладалъ драгоцѣнными матеріалами и конечно съумѣлъ бы ими воспользоваться, для объясненія различныхъ сторонъ внутренней жизни компаніи если бы планъ и объемъ сочиненія позволили ему это сдѣлать.

Необходимость заставляла его весьма часто самую характеристическую яркую картину, или исполненный драматизма разсказъ сжимать въ нѣсколько сухихъ полуоффиціальныхъ строкъ. Позволь себѣ авторъ въ этомъ отношеніи маленькую свободу и его книга разрослась бы въ пять или болѣе томовъ, которыхъ можетъ быть мы и не увидѣли бы въ печати. — Это обстоятельство, при сдержанномъ скромномъ изложеніи автора, заподозрило его въ панегиризмѣ, который и для самой компаніи былъ бы здѣсь едва ли умѣстенъ и скорѣе могъ ей принести вредъ нежели пользу.

Не явись почти одновременно съ книгой г. Тихменева энергической записки В. М. Головнина, самыми рѣзкими фразами обвиняющаго дѣйствія компаніи и ея служащихъ, тогда были бы замѣтны и находящіеся въ книгѣ Тихменева указанія на многіе недостатки компанейскаго управленія, которыхъ онъ вовсе не скрываетъ. Такъ напр. онъ указываетъ на дурное состояніе судовъ и невѣжество компанейскихъ мореходовъ, выразившееся въ частыхъ кораблекрушеніяхъ. Описываетъ страшные недостатки продовольствія колоній и опасность умереть съ голоду, въ случаѣ неприхода ожидаемаго судна; гибель Алеутовъ, посылаемыхъ на промыслы, кровавыя столкновенія съ Колошами, скупость компаніи въ платѣ колошамъ за мѣха и происшедшій отъ этаго убытокъ самой компаніи, и усилившаяся опастность отъ Колошъ вооруженныхъ покупаемымъ у иностранцевъ оружіемъ; неуспѣшность религіознаго просвѣщенія туземцевъ, неимѣніе школъ и т. п. Все это изложенное между другими предметами и чрезвычайно скромно разумѣется кажется крайне блѣднымъ при сравненіи энергической съ запиской Головнина который задавъ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) какія выгоды компанія доставляетъ своимъ акціонерамъ; 2) какую пользу принесла компанія государству; 3) полезна ли она для общества и частныхъ людей, и наконецъ 4) что вѣра отъ нее пріобрѣла? — отвѣчаетъ на всѣ ихъ отрицательно и подкрѣпляетъ свое мнѣніе, горячо и мастерски изложенное, многими вопіющими фактами.

Но повторяемъ, г. Тихменеву была не доступна эта записка и потому онъ не могъ ни подтвердить, ни опровергнуть заключающихся въ ней фактовъ.

Изложивъ обвиненія, которыя могутъ быть сдѣланы автору «Историческаго обозрѣнія Российско-Американской компаніи», для справедливой оцѣнки труда его, обратимъ вниманіе на то, *что* обѣщалъ онъ и въ *какой степени* исполнилъ свое обѣщаніе.

По заглавію, трудъ г. Тихменева есть только *историческое обозрѣніе*, и изъ первой страницы его предисловія мы узнаемъ, что цѣлію автора было *изложить вкратцѣ* образованіе и дѣйствія компаніи. Вмѣсто этого мы имѣемъ объемистый томъ, въ 450 страницъ, въ которомъ разсказана въ первый разъ съ удовлетворительной полнотою *вся исторія* Российско-Американской компаніи, съ основанія ея до 1841 г. Хотя сочиненіе составлено преимущественно по оффиціальнымъ и извлеченнымъ изъ архивовъ источникамъ; но авторъ не упустилъ изъ вида и всего того, что было напечатано о дѣйствіяхъ компаніи.

До книги г. Тихменева свѣдѣнія о компаніи были разсѣяны въ отрывочныхъ разсказахъ мореплавателей, посѣщавшихъ колоніи, и отдѣльныхъ сочиненіяхъ, каковы напр. путешествіе Шелихова, Шемелина, записки И. Веніаминова, Жизнеописаніе Баранова и пр., а также нѣсколькихъ отдѣльныхъ брошюрахъ и статьяхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Теперь (не упоминая о матеріалахъ для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ восточнаго океана), мы въ «Историческомъ обозрѣніи» г. Тихменева находимъ такую книгу, которая составляетъ сводъ всего касающагося до исторіи компаніи.

Изъ приведеннаго выше перечня содержанія книги, мы видѣли, что въ ней находятся множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ и что она говоритъ, съ большею или меньшею полнотою, о каждомъ событіи сколько нибудь касающемся компаніи. Многое изъ этаго въ первый разъ является въ печати и многіе эпизоды изложены съ такою полнотою, какой мы ни у кого до сихъ поръ не встрѣчали. Все это придаетъ особенную цѣну сочиненію, особенно когда примемъ во вниманіе, что при работѣ по архивнымъ источникамъ, нерѣдко для одной страницы приходится перебрать нѣсколько толстыхъ дѣлъ и убить много часовъ на чтеніе сотенъ безполезныхъ листовъ.

Книга написана хорошимъ языкомъ и легко читается не смотря на серьезность предмета. Изданіе замѣчательно исправно во всей книгѣ намъ попалась одна серьезная опечатка, на страницѣ 328, строкѣ 12, вмѣсто 154 р. сер. очевидно слѣдовало напечатать 154 р. асс. Попались еще мелочные недосмотры, какъ напр. на стр. 275 говорится о Зундѣ Головнина и на 285 о заливѣ Тебенкова, а на приложенной къ сочиненію картѣ ихъ нѣтъ.

Впрочемъ это послѣднее можетъ быть сдѣлано и потому, чтобы не испестрить карту названіями такихъ, сравнительно, маленькихъ, пролива и залива.

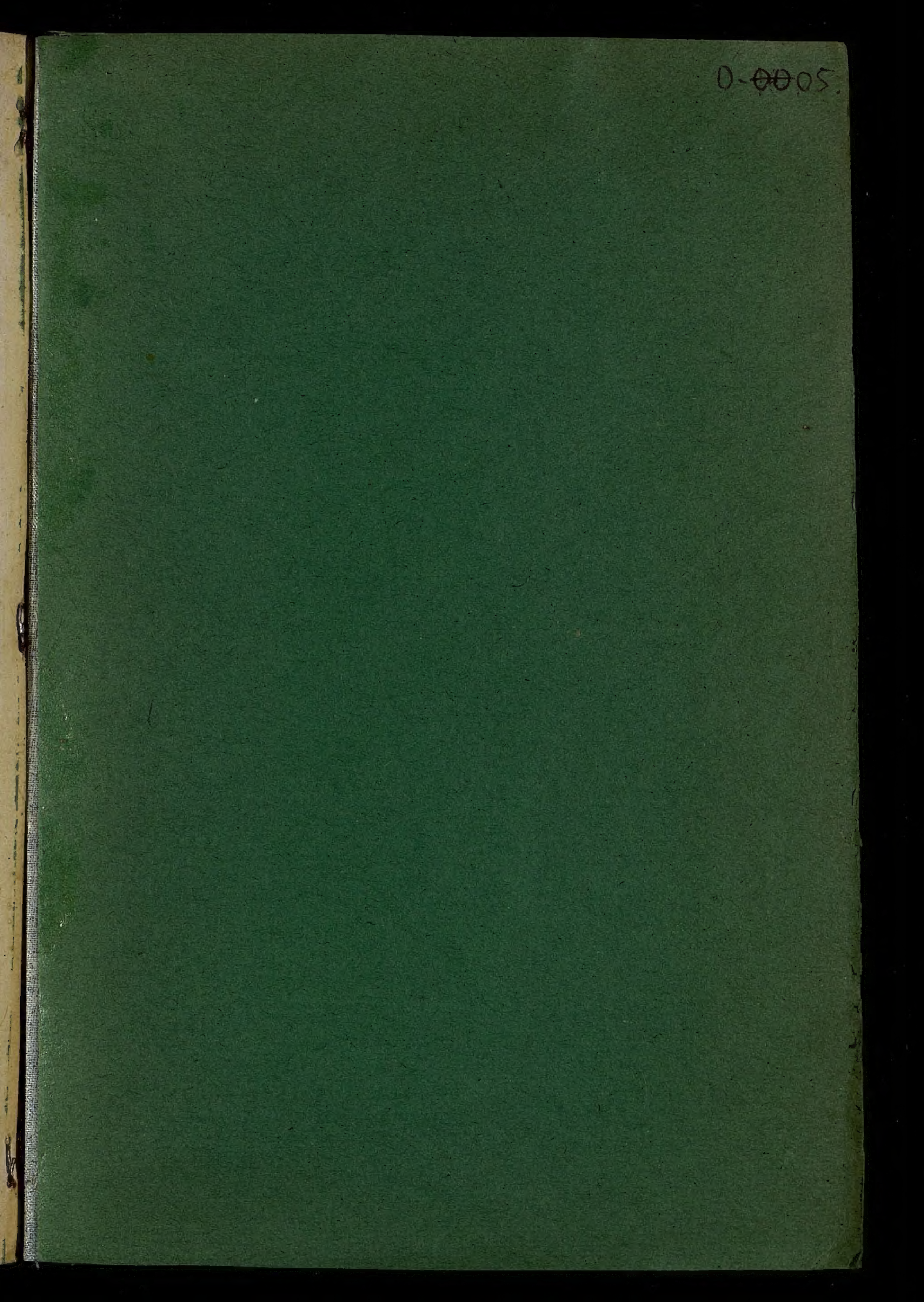
Кромѣ того мы полагали бы полезнымъ для справокъ:

1) Подробное оглавленіе предметовъ содержащихся въ книгѣ.

2) Указаніе по возможности при каждомъ свѣдѣніи источника откуда оно заимствовано, а въ дѣлахъ архива указаніе номера папки или дѣла и заглавіе его.

3) Списокъ директоровъ компаніи, членовъ совѣта и главныхъ правителей, съ показаніемъ времени вступленія въ должность и оставленіе ея, и т. п.

За исключеніемъ исчисленныхъ слабыхъ сторонъ, серьезный, по всей вѣроятности, долговременной трудъ г. Тихменева имѣетъ неоспоримыя достоинства, по которымъ онъ заслуживаетъ благосклоннаго вниманія Императорской Академіи наукъ и по моему мнѣнію достоинъ Демидовской преміи.

0-0005